

18+

ЮЛИЯ ЗАРЫВНЫХ

КАЭРН

Юлия Зарывных

Каэри

«Издательские решения»

Зарывных Ю.

Каэри / Ю. Зарывных — «Издательские решения»,

Алое солнце взошло над миром. Грань, последний оплот темноты, осаждают фанатики, в песнях степных ветров слышится шёпот молитв. Близится Эсхатон. Но в клетке над Бездной всё чаще звучат голоса, призывая вспомнить о прошлом. События в Каэри навсегда изменили ход истории, запустив колесо вечных циклов. И теперь давним врагам придётся объединить силы, чтобы исправить былые ошибки.

© Зарывных Ю.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
ВО ТЬМЕ	6
Глава вторая	13
ГЛАС МЕРТВЕЦА	13
Глава третья	26
ПО КОМ ЗВЕНЯТ КОЛОКОЛЬЧИКИ	26
Глава четвёртая	36
ПРИЧИНА ВСЕХ БЕД	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Каэрн

Юлия Зарывных

© Юлия Зарывных, 2026

ISBN 978-5-0070-5633-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

ВО ТЬМЕ

«Когда двое играют в кости, кто видит больше? Игрок, который следит за столом, или игрок, который не сводит взгляда с противника? Или, быть может, зритель? Один из десятков, что украдкой наблюдает за партией. Спросите, и я отвечу, что в шумном кабаке внимательнее всех слепец, сидящий в дальнем углу. Ведь только он пробыл здесь так долго, что научился различать удары костей о дно стакана».

Отрывок из письма Каина, адресованного Михаэлю

Смертные.

Мерзкое слово вертелось на языке и отдавало горьким привкусом осеннего луга. Увядавшими травами и мокрой землёй. Полынью.

Скорбью.

Её терпкий вкус был Виарину хорошо знаком. Каждая буква в проклятом слове пропиталась отчаянием, и оно наполняло рот, точно густой белёсый гной.

Смертные.

Бич творцов, гвоздь в крышке гроба Вселенной. Жалкие, расплодившиеся душонки разбежались по мирам, словно муравьи, растащили огонь творцов, запрятали в укромные норы, и спустя века удивились, отчего муравейник стал тёмным, а солнце снаружи охладело или вовсе погасло.

Смертные. С их сотворения всё началось.

В Мортууме, когда Лирэ ступила в портал и оказалась на маяке, Виарин узрел истину. Ручеёк между душами истончился, и во всполохах искр, будто во сне, демон увидел фрагмент далёкого прошлого.

Каэрн. Башня старого маяка

Два года до раскола Преисподней

Круглая площадка маяка со всех сторон продувалась ветрами. Балки отсырели, пропитались тиной и солью, проросли ракушками. С наступлением сумерек моллюски открывали крепкие серые створки, дразнили призраков мерцанием рыжих жемчужин.

Лираэль нравилось это время суток. С восходом первой луны воды окрашивались серебристым сиянием, пена становилась угольно-чёрной, а водоросли наливались яркой бирюзой и колыхались на волнах, подобно тончайшим магическим нитям. Гавань превращалась в жемчужно-зелёное полотно, в прорехах которого мелькали хвосты русалок, вздымались кривые плавники морских змеев, и призраки, утробно гогоча, выползали со дна на тёмный вулканический берег. Они тянулись к ракушкам, обступали сомкнутые створки и замирали в долгом, томительном ожидании.

Лираэль свесила ноги с башни, прислонилась плечом к прогнившей деревянной колонне. Портовые бесы давно порывались снести здание и на пустыре отстроить пару причалов, даже подали прошение о ремонте доков, но она не позволила. Только отсюда Лираэль могла созерцать настоящий Каэрн и наслаждаться песнью сирен.

Стайка из пятерых демонов-птиц как раз облюбовала здешний берег. Они прилетали, когда первая луна касалась границы воды, а вторая, насыщенно-синяя, зависала над городом, точно гигантский серп. Сирены принимали облики прекрасных дев и, кутаясь в лунный свет, точно в кружевную вуаль, нагими прогуливались по песку, мурлыча маняще-печальную песнь.

От сладких голосов ракушки раскрывались, обнажали жемчужины с ярким пламенем внутри. Берег становился похож на чёрный луг с россыпью рыжих цветов.

Близость огня дурманила призракам головы, и к мелодичным голосам присоединился низкий вой мёртвых.

Но всё это будет позже.

Пока первая луна лениво взбиралась в небо над гаванью, Лираэль соткала уголёк, сбросила с башни. Камень ударился о хребет серой раковины и отскочил в воду. Моллюск приоткрыл створки, высунул два белых, похожих на сгустки слизи, глаза и, брызжа ругательствами, точно старый моряк, зарылся в песок.

Лираэль создала ещё один уголёк, но, не заметив цели, сжала тёплый камень в руке.

Луна заслонила половину небосвода. Огромная, бледная, изрытая горами, лесами и вечно стылыми морями — один из последних миров, что начал, но не закончил создавать Нихаэль, теперь вращался вокруг Каэрна и иногда засыпал сады снегом.

С железной лестницы, что ужом поднималась к вершине маяка, раздались шаги. То могла быть сирена, которой полюбились открытая ветрам крыша и чаша с давно погасшим сигнальным огнём.

Два месяца назад среди углей и пепла Лираэль заметила крупное жёлтое яйцо, покрытое сетью багровых прожилок. Его заботливо укрыли липкими водорослями и присыпали тёплым песком так, что издали гнездо походило на кучу прибрежного мусора. Тогда Лираэль дождалась восхода второй луны и познакомилась с хозяйкой.

Сирена оказалась завсегдатаем местного пляжа, частенько навещала порт и кабаки, чтобы послушать похабные стихи моряков. Особенно по вкусу ей пришлось творчество Балаашира. Лираэль даже не удивилась — вот уж кто совсем не читил порядков и не имел ни малейшего представления о приличиях. Немудрено, что после пары совместных прогулок по полуночному побережью демон назвал свой фрегат «Песнью сирены».

Лираэль отвлеклась и не заметила, как сумеречный гость поднялся на площадку.

— Знал, что найду тебя здесь. — Нихаэль обошёл чашу, примяв сапогами пучки белого мха.

— Следил за мной? — поддела она.

— Это без надобности. Достаточно хорошо тебя знать, чтобы понимать, куда ты отправишься. Маяк в меру высок, чтобы видеть отсюда всё побережье, и расположен на подходящем расстоянии от воды, дабы наблюдать за мерцанием водорослей, но не чувствовать запаха тины.

— И здесь достаточно тихо, чтобы поговорить со звёздами.

Нихаэль сел рядом, не касаясь тонкой руки, опиравшейся на влажную доску.

— И о чём же творец решил поведать своим творениям?

— Не называй их так. — Лираэль подняла голову к небу. Бледный лунный свет рассыпался по лицу мелкой пылью, засеребрился в длинных рыжих волосах. — Я вложила в каждого частицу своего огня, но дальше они разгорались сами. Это больше не пламя. Это жизнь. Взгляни, как она прекрасна.

За ледяным диском луны мерцали разноцветные огоньки. Тысячи, сотни тысяч миров, каждый из которых не был похож на другой, ныне наполнились смертными.

— Однажды и здесь тебе станет тесно. — Нихаэля не интересовали миры, он смотрел только на девушку, мечтательно изучавшую небеса.

— К тому моменту я восстановлю пламя и смогу побывать в каждом из миров, что ты сотворил.

— Не все удались.

— Первая работа художника всегда далека от шедевра. То, что не получилось, поправит Михаэль. То, что исправить нельзя, уничтожит Самаэль. Остальное лишь дело практики.

Нихаэль перевёл взгляд на незаконченную луну, зависшую над гаванью.

— Не жалеешь? — спросил он. — Ты ведь едва не стала смертной.

— Испугался за меня? — уголки губ тронула улыбка. — Как только Михаэль наладит поток душ, моё пламя начнёт восстанавливаться. До тех пор я останусь в Каэрне.

— Скажу Михаэлю, чтобы не торопился.

Лираэль рассмеялась звонким, искренним смехом.

Они просидели на краю башни, слушая шипение волн и вой призраков, блуждавших по побережью, пока ледяная луна наполовину не утонула в море. С порта налетел прохладный ветер, прихватив запах молодой листвы и едва распустившихся лилий.

— Видела, как отчалила «Песнь сирены». — Лираэль покосилась на город, залитый чарующим светом синего полумесяца.

— Я попросил Балаашира доставить кое-что в Никсию. Хочу доработать круг.

— Окрылён вдохновением?

Нихаэль украдкой бросил взгляд на девушку:

— Можно сказать и так.

— И что же это будет?

— Храм.

— Любопытное название. — Лираэль развернулась вполоборота, подтянула колено к груди. Сырое дерево прижалось к спине, промочив рубаху над чёрным кружевным корсетом. — Для чего он?

— Чтобы не чувствовать одиночества.

Девушка улыбнулась:

— Я создала столько смертных. Разве можно чувствовать себя одиноким?

— Ты чувствуешь.

Лираэль растерялась, провела пальцами по волосам, силясь скрыть непрошенное волнение.

— Вовсе нет, — протараторила она, — меня окружает множество душ.

— От общества которых ты сбежала сюда. — Нихаэль не дал ей возразить. — Утрата пламени тебя тяготит. Я вижу это, и Михаэль тоже. Поэтому он настоял, чтобы ты не покидала Каэрн.

— Я не смертная и не умру, спустившись на пару кругов.

— Но хватит ли сил вознестись?

Лираэль отвернулась, от обиды закусил губу.

— Я размышлял над этим, — проговорил Нихаэль, не заметив стаю сирен, пронёсшихся над маяком. — Думаю, я смогу создать врата на каждом из кругов, чтобы никому не приходилось тратить силы на перемещения.

— Чтобы слабаки, вроде меня, могли бывать где-то помимо хрустальной клетки, — съязвила она в ответ. — Не пытайся юлить, отсюда звёзды нас не услышат.

— Тебе нужно отвлечься. Как насчёт того, чтобы обучиться ближнему бою?

Лираэль оживилась:

— Это было бы интересно.

— Попрошу Балаашира доставить во Флумейн немного хрусталя и солнечного металла. Может, Творец гор вдохновится на ещё один шедевр. Я бы рекомендовал копьё.

— Муза, может, и запоёт в руках мастера, но даже с его копьём я вряд ли стану умелым воином.

— Не ты ли сказала, что первая работа художника всегда далека от шедевра? — парировал Нихаэль, вернув ей улыбку.

Голубой огонёк заискрился в его ладони. Вытянулся, раскрыл хрустальные лепестки и повернулся к Лираэль стеклянным бутонор орхидеи. Девушка вспомнила про уголёк, который

всё это время держала в руке. Камень зарделся, раскалился и юркнул в бутон крохотной огненной змейкой.

Цветок распустился, лепестки налились густым красным светом её пламени.

— Может, стоит добавить Никсии цвета? — Она приняла цветок из рук Нихаэля. — Построить храм посреди бескрайних лугов, а вокруг посадить миллионы красных орхидей.

— Я подумаю. — Нихаэль встал.

Лираэль отказалась уходить и повернулась к морю:

— Хочу побыть здесь ещё немного. Мне есть что сказать звёздам. Подожди, — окликнула она, когда Нихаэль коснулся шатких железных перил. — Какой мир получился лучше всего? Хочу посетить его первым.

— Ты вольна выбирать. Но для меня давно существует только один.

«Опять он о своём Хрустальном граде», — подумала Лираэль, поднесла орхидею к губам.

Цветок пах печалью и невысказанной тоской.

Поначалу Виарин не придал значения глупому видению. Здесь, на краю Бездны, он успел повидать немало грёз. Однако позже, когда глазами Лирэ он узрел Планарию, выползающую из-за горизонта, точно горящая мумия из саркофага, он понял всё.

Частицы мозаики, которые старательно выкладывала Лираэль на протяжении нескольких циклов, сложились в единую картину. И то, что Виарин увидел на полотне, привело в ярость.

Лираэль желала смерти. Себе и всей прогнившей Вселенной. Творец, который некогда создал смертных, ныне презирал их и ненавидел, ведь в каждом тупоголовом детище тлела частица её огня. Искорка пламени, что могла защитить Преисподнюю от раскола, спасти от пасти Бездны ещё в те далёкие времена.

А Виарин не хотел умирать. Он был рождён, чтобы править, и ни природа его появления, ни поражения, следовавшие одно за другим, не поколебали уверенности. И раз уж демон не собирался потакать воле творца, ему нужен был план. Более надёжный, нежели два предыдущих.

Виарин повёл плечами, расправил крылья. Затёкшие суставы захрустели, и он оскалился в удовольствии.

Задумка Лираэль оказалась до наивности проста, поэтому игроки, привыкшие к сложным ходам, не удостоили вниманием безобидную детскую выходку. Когда-то падение Каэрна едва не разрушило Преисподнюю, и творец решила пойти той же дорогой — собрать в мире смертных, близкому к Аду, много лишних душ, стравить их друг с другом, дабы затянуть Эсхатон, и попросту дожидаться, когда Рэвилт столкнётся с Фоздо. Гениальный в своей простоте ход.

Даже почувствовав себя куклой в чужих руках, Виарин восхитился создателем. Лираэль продумала всё, каждый чёртов шаг.

Расколов душу, она избавилась от пламени и отправила Виарина сеять хаос в Аду. Мятеж, два похода до Аркса, показательные казни в обход всяческих правил — демон стал марионеткой, ряженым пугалом, что привлекало внимание к сцене. А основной спектакль тем временем разворачивался в Рэвилте.

Шанкриа отыскала душу Нихаэля и спрятала за Гранью. Однако истинной целью манёвра была не попытка избежать Эсхатона, а желание удержать творца в Рэвилте до момента, когда мир начнёт опускаться. А помог осуществить замысел не кто иной, как Владыка Смерти — он же Балаашир, он же дохлый уродец и дьявол, дери его ангелы, смастеривший клетки для всадников, в одной из которых ныне заседал будущий правитель Вселенной.

Виарин улыбнулся, с удовольствием толстого гуся вытянул шею и почесал подбородок острым когтем.

Итак, по сему получалось, что Лираэль и Балаашир были союзниками. Их, как и многих, мог связать контракт, если бы не одно «но». После раскола души контракты Лираэль утратили силу, однако Грань, Шанкрия и Балаашир всё равно оказались в Рэвилте.

Виарин провёл языком по клыкам, звонко цокнул.

Должно было быть что-то ещё. Настолько важное, чтобы заставить Владыку Смерти выполнять условия сделки даже после гибели партнёра по контракту. Нечто ценное, что мог дать только творец. Подарок невиданной, колоссальной, непостижимой мощи.

Демон поднял голову.

Ну конечно. Что мог пообещать творец, желавший смерти? Только самую главную ценность вселенной.

Вдалеке, за бирюзовыми прутьями клетки бесновался и выл водоворот душ. С границы Бездны воронка казалась ровной и походила на мерно вращающееся колесо прялки. С каждым оборотом белые нити тянулись к печам Чистилища и возвращались с другой стороны голубыми, чистыми. Виарин часто представлял, какое они могли бы соткать полотно, не будь внизу жадно раскрытой пасти.

Значит, на кон был поставлен водоворот.

Хитро и глупо. Самонадеянно и дерзко.

У вихря не могло быть хозяина, никто бы не справился с буйством душ. Балаашир не мог об этом не знать. Тогда почему согласился?

Виарин сдвинул брови, отчего воронка вдалеке сузилась до крохотной бело-голубой точки.

Или хозяин всё-таки был?

Самаэль? Нет, обладай заморыш подобной мощью, не прозябал бы в едва живом Арксе. Михаэль — тоже маловероятно. Птичка, запертая в хрустальной клетке, не стала бы петь под чужую дудку, если бы могла сбежать. Лираэль, Нихаэль? Виарин хохотнул от того, что вообще допустил подобную мысль.

До раскола водоворот был спокоен и, вероятно, подчинялся всем четверым. После падения Каэрна баланс сил изменился, и тот, кто взялся контролировать поток душ, не сумел удержать вихрь в узде. Существо с меньшей силой, но большими амбициями.

Каин.

Виарин несколько раз повторил имя, но не уловил эха воспоминаний. Они не встречались, по крайней мере, в этом цикле. Однако Каин лично знал каждого из творцов, ведь его стараниями во вселенной появились первые контракты.

Демон вытянул ноги, лезвия на голених проскрежетали по дну клетки.

Первый контракт. Раньше Виарин об этом не думал.

В то время как Лирэ искала ложь в словах Тэна и беспокоилась за свою никчёмную жизнь, Виарин внимал каждому произнесённому слову. Его не обременяло смертное тело, не отвлекали шум дождя и грохот сломанной башни. Сидя в клетке во тьме, демон видел больше, чем остальные.

Виарин заложил руки под голову и, пожалев, что поблизости не завалялось сушёного хвоста саламандры, вспомнил рассказ Тэна.

Первым, кто столкнулся с Каином, был Михаэль. В результате ожесточённого боя Каэрн и Хрустальный град пали. Самаэль наверняка бросился на подмогу, но разрушение Аркса и появление Бездны помешали присоединиться к битве.

После сотворения смертных Лираэль лишилась огня и едва могла защитить себя, не говоря о Преисподней или одном из кругов.

Нихаэль стал последней преградой на пути к господству, и отступил, согласился на контракт, зная, что остальные творцы уже были повержены.

Виарин почесал голову, пальцы ощупали опалённую, неровно сросшуюся кожу и обломок рога, торчавший во лбу, словно кривая поджаренная заноза.

Из воспоминания демон узнал, что Никсия и Хрустальный град были созданы Нихаэлем. После раскола шестой круг стал непригодным для жизни, а город ангелов обратился клеткой для Михаэля. Могло ли всё это быть условиями первого контракта?

Битва с владыкой Хрустального града наверняка истощила Каина, и потому прийти к соглашению было лучшим вариантом для обеих сторон. Но если Каин получил контроль над водоворотом, запер двоих творцов в Преисподней, ещё двоих обязал участвовать в вечных циклах, чтобы кормить Бездну, то что же получил Нихаэль?

— О, — протянул Виарин, облизнув губы.

Лираэль создала смертных и позволила их пламени расти и развиваться самостоятельно. Спустя время из огня родилось два чувства — страх и любовь. И если с первым Виарин был хорошо знаком, то второго не понимал, почитал за недуг. И эта болезнь в итоге поразила творцов.

Одного из них.

Виарин хмыкнул. Ради возможности быть подле любимой Нихаэль отдал всё. Продал себя и вселенную во имя девчонки, которая спустя тысячи циклов вонзила копьё ему в спину. Воистину злая насмешка судьбы.

Вряд ли тогда он знал, что первый же цикл завершится смертью возлюбленной. Вот откуда это безумное чувство вины. Бедняга так корил себя, что не мог даже смотреть на Лирэ, пока они находились рядом. И он добровольно принял бы сотни смертей от руки Лираэль, если бы это могло искупить вину.

Лирэ была слишком напугана, чтобы заметить изъяны в поведении. Нихаэль избегал взглядов, держался в стороне и подолгу подбирал слова, а после не постеснялся взять грех на душу, попросив Самаэля не выпускать добряка Виарина из клетки. Да он ведь попросту надеялся, что девчонка не вспомнит о предательстве до конца цикла. Проще умереть в неведении, чем ждать клинка под ребро.

Нихаэль не лгал, когда сказал, что творцы пытались изменить цикл, однако Каин давно прознал о его маленькой слабости. Единственный способ убедить творца пожертвовать пламя Бездне заключался в обещании Каина, что в следующем цикле они с Лираэль вновь воссоединятся.

На маяке Нихаэль разозлился, узнав, что девчонка возродилась в другом мире, ведь это означало, что Каин нарушил контракт. Если, конечно, не принимать во внимание факт, что несколько ранее Лираэль расколола душу, послав в пекло циклы, Каина и всю вселенную.

Виарин растянулся на полу клетки, в голос расхохотался. Величайший секрет Преисподней был раскрыт заключённым. Вот так ирония.

— Эй, Самаэль, — крикнул он в пустоту, — хочешь снова назвать меня слабоумным?

Демон знал, что его не услышат, но от желания поделиться открытием сводило скулы. Он повернулся к висевшей неподалёку клетке Раздора.

Всадник пролежал без сознания несколько месяцев, прежде чем Эсхатон снова призвал его в смертный мир. В Рэвилт. Теперь это было известно наверняка.

Виарин закинул ногу на ногу, щёлкнул пальцами. Огонёк поднялся к бирюзовым прутьям, сложился в фигурку скелета в дырявом балахоне, подвешенную на нитях, словно игрушка над детской колыбелькой.

— Смертная, ты меня слышишь? — Демон махнул рукой, и фигурка качнулась, забавно потрясывая костлявыми конечностями. — Знаю, что слышишь. Нам нужен контроль над водоворотом. Мне нужен. Убеди Балаашира, что вы по-прежнему союзники, и ты намерена сдерживать обещание. А после заставь мертвяка выпустить меня из поганой клетки.

Виарин улыбнулся, восхищаясь собственной гениальностью.

— Эсхатон нам на руку. Ты больше не Вестница и можешь действовать из-за кулис. В каждом сметном тлеет частица нашего огня, и, если забрать её, мы станем сильнее. Поддержи Эсхатон, втяни в войну весь мир, притворись жертвой, глупышкой, готовой умереть во благо вселенной. А потом сожги их всех. Пламени мёртвого мира хватит, чтобы я мог сразиться с Каином. Вместе мы уничтожим выродка и изменим цикл.

Горящая игрушка запуталась в нитях, и костяная голова, повиснув в узле, отвалилась.

— А что касается Балаашира, — Виарин шумно втянул воздух, будто то был запах долгожданной свободы. — До раскола Преисподней контрактов не существовало. Они появились вместе с Бездной. За нарушение условий водоворот сбрасывает души вниз. И если Каин им управляет или хотя бы пытается, то именно он решает, что можно счесть за нарушение договора. Иными словами, прохвост должен знать обо всех заключённых контрактах. Балаашир и Лираэль планировали обыграть его и потому предпочли сделку. Ни крови, ни пламени, ни бумаг, только слова. Рискованно, однако шаг мудрый. Именно поэтому не стоит ждать верности от Владыки Смерти. Он предаст, как только получит желаемое. Но до того ещё далеко. Всё должно идти по плану, пока Каин не станет уязвим.

Виарин подул на огонь, фигурка рассыпалась алой пылью.

— Остерегайся Михаэля. И постарайся сблизиться с Истиннорождённым. Для тебя это не составит труда, — губы растянулись в хамоватой улыбке. — Нихаэль знает о Каине больше, чем кто-либо. Мне необходимы его знания.

Демон схитрил, не признался, что в его великолепной, гениальной, дьявольски-коварной теории были дыры. Громадные прорехи, которые нечем было залатать. Пока. Девчонка стала лучшим решением, идеальной марионеткой с огненной петлёй на шее.

Он ощутил, как присутствие смертной ослабевает, услышал отголоски разговора в бедно обставленной комнатухе в Рэвилте.

— Нет, подожди. — Виарин удержал связывающий их поводок. — Не просыпайся. Я хочу послушать разговор старых друзей.

Глава вторая

ГЛАС МЕРТВЕЦА

«Он молвил, а я внимал. Он молчал, я спрашивал. Мы спорили об истине, не понимая, что только в тишине звучало настоящее откровение».

Отрывок из пьесы, написанной Балааширом

Солнце выползло из-за шпиля деревенского храма, окидывало сонным взглядом зелёные равнины с проседью одуванчиков и, точно невинное дитя, прятало круглый лик за колокольней. Озорные лучи отражались в окнах, жёлтыми зайчиками скакали по соломенным крышам, резвились на тракте, играя в осколках стекла и норовя перепрыгнуть на хмурое лицо Владыки Смерти. Метили в глаз, заставляя кривить губы и отступать глубже в благодатную тень, коей близ старого пепелища осталось немного.

С запада разливалось над горизонтом зарево горящей Планарии, отчего Рэвилт наполнился светом насыщенно-рыжим, густым и вязким, словно свежий гречишный мёд. Макушки хвойного леса за домом Мисарры приобрели тёмно-красный оттенок, с ветвей заструились багровые тени, что оседали на траву и расплзались по земле мутной кровавой росой. Туман, по обыкновению блуждавший по равнинам, забился в овраги, укрылся среди бурелома и трусливо шипел на ненавистный рассвет.

Балаашир тоже не прочь был окопаться в норе: забраться под землю, во тьму и холод, прикрыть вход валежником, мхом да шишками и, наплевав на всё, дожидаться, пока безжалостное время не погасит одно из солнц. Увы, времени у него не было.

Дьявол протиснулся между камней, задержался в тени просоленных каменных плит. От разрушенных стен пахло морем — застарелой тиной, рыбьей чешуёй, помётом чаек и гнилыми моллюсками. Сырой древесиной и корабельной смолой. Домом.

Балаашир пробыл в Рэвилте три года и по сей день лелеял надежду вернуться в родной полюбившийся Мортуум. В мрачный порт Тиземписса, ставший единственной безопасной гаванью после падения Каэрна.

Он затруднялся сказать, сколько циклов минуло с тех пор. Три миллиона, четыре, может быть, больше. Только одно Балаашир знал наверняка: за десятки столетий, сменявшихся смертью и перерождением, он так и не смог примириться с адской вонью прочих кругов. Запах серы, запёкшейся крови и жареной плоти был неприятен, также как в первый день после раскола.

Дьявол прикрыл нос рукавом балахона.

Над обугленным трактом поднимался дым, лепестки молодой травы тлели, слово нити сухой прошлогодней соломы. В узкой, прокатанной телегами колее бесновались всполохи огня. И в центре пожара, как в последний день Каэрна, Нихаэль удерживал девчонку, которая не могла совладать со своим пламенем.

В Наранте Балаашир не ошибся — прислуга дракона на деле оказалась творцом, смертной половиной Лираэль. С Виарином договориться не удалось, и Владыка Смерти рассчитывал исправить ошибку, заручившись поддержкой девчонки. Для осуществления давнего плана хватило бы одной, искренней половины души.

Впрочем, честность никогда не была сильной стороной творцов. Четверо создали первых творений по разумению и замыслу своему, и не вложили в души качеств, которыми не обладали сами. Балаашир не хотел признавать, но смертные получились лучше всего. Слабые плотью, без лишнего пламени, которое часто пьянило и морочило головы жителям Преисподней, люди

существовали вне игры, жили, не ведая об устройстве Вселенной — свободные, наивные и своевольные в мелких житейских делах. И в том была некая благодать, милость творцов к своим последним детям.

Девчонка обмякла в руках Нихаэля, голубые оковы сомкнулись на запястьях в точности, как цепи на теле Владыки Смерти. Пламя на дороге погасло, воздух наполнился дымом и тяжёлым запахом серы.

Во рту засвербело, ком подступил к горлу. На глаза навернулись слёзы, и Балаашир припомнил Бриссу, выдавшую на пирсе от трупной вони.

— Запечатать её пламя — не лучшее решение. — Владыка Смерти смахнул со щеки бирюзовую каплю. — Демон уничтожит оковы, как только вольёт в тело смертной достаточно огня.

— Знаю. — Нихаэль взял девушку на руки. — Но другого варианта у меня нет. Твои цепи держатся долго, может, и с ней повезёт.

— Я-то не творец, — съязвил дьявол, — и не вожу дружбу с демоном, способным из скуки сжечь целый мир.

Нихаэль оглянулся на на круглую площадку с железной чашей, за которой сквозь трещины в стекле виднелась красная полоса чуждого Рэвилту солнца.

— Нужно убраться от света Планарии.

— Тут соглашусь. — Балаашир набрал воздуха в грудь, переступил границу тени. — Неподальёку деревня. Керден вас проводит.

Над трактом стелился дым. Жёлто-серые струйки поднимались от обугленной травы, вились над пепелищем, точно горячий пар над эрлунским источником. По округе расплзался запах кислого молока и залежавшейся на солнце еды — прелой, тронутой плесенью. Но куда хуже вонь исходила от рукава, которым Керден прикрывал лицо.

Серая рубаха прилипла к телу, ткань пропиталась водой, грязью, кровью, пропахла лошадиной мочой и помоями. Края рукавов болтались на запястьях мокрой бахромой, будто Кердена протащили по земле и бросили подышать в одной из сточных канав. На плече висел вырванный лоскут ткани. Держался он на честном слове и листе лопуха, прилипшего к коже.

На рубахе ткач насчитал по меньшей мере четыре дыры с бордовыми ободками по краям. Пуговиц почти не осталось — всего одна на груди тужилась удержать петлю, забитую рваными листьями клёна. На худых, сбитых коленях виднелись синяки и розовые пятна молодой кожи.

— Даже знать не хочу, где мы были минувшей ночью, — пробормотал он, выудив из волос тонкую кленовую ветвь. Вместо побегов на ветке висели лоскуты чужой плоти.

Ткач припомнил чёрного змея и маяк, упавший с небес. Плетение Балаашира удерживало башню, пока рассветные лучи не коснулись лица. Керден пробудился, но лишь на мгновение. Маяк рухнул на тракт, и ткача снова окутал блаженный мрак.

Кабы не рассвет, Владыка Смерти не вернул бы Кердену контроль над телом. Свет был для дьявола бичом, огненной плетью, которая теперь нависала с обеих сторон, точно гигантская раскалённая гильотина.

Солнц действительно взошло два. И, если первое медленно поднималось с востока, второе алело у горизонта яркой неподвижной полосой.

— Идём в деревню. — Клиос вынул меч Тэна из земли, взвесил в руке. — Балаашир сказал, ты знаешь дорогу.

Керден знал, но не хотел когда-либо туда возвращаться.

Тропа от дома Мисарры поросла сорняком. Стебли дикого укропа вытянулись в полный человеческий рост, хвастали пушистыми ветвями, крупными соцветиями щекотали затылок. Лепестки чертополоха касались босых ног, норовили ужалить пальцы.

К деревенской улочке пробирались в молчании, слушая трель кузнечиков и стрёкот полевых птиц, ворчание пчёл у цветов одуванчика и писк мышонка в крохотной норке в земле. Умо-

стившись на деревянной оградке близ косого сарая, надрывала горло ворона, отгоняя людей от гнезда с двумя голубовато-зелёными яйцами.

Керден слышал биение птичьих сердец также чётко, как собственное дыхание. Чувствовал жизнь. Однако куда острее ощущал присутствие смерти. Какую бы подлость ни сотворил Балаашир прошлой ночью, это сделало его сильнее.

Среди сотен звуков отчётливо слышался зов мёртвых. Злобный, вкрадчивый шёпот, переливчатый смех, гортанный вой и крик предсмертного ужаса сливались в неблагозвучную, отвратительную какофонию, побуждавшую закрыть глаза и слепо следовать за голосами, пока они наконец не затихнут.

В домике на опушке лежали двое. Мужчина и женщина, оба в годах, приняли смерть от лап порченного, успев вооружиться столовым ножом и кружкой для чая. В сарае напротив мужичок кормил скотину да так и погиб, повиснув на калитке стойла. Дальше по улице протянулось кладбище домашних птиц. Убийца забрал клювы и лапы, а мясо бросил гнить в сырой земле. Осенние ветра, снега и талые весенние воды превратили тела в горстки костей и разбросали по канавам, словно грязные камни.

В доме с пробитой крышей свет играл в осколках разбитого зеркала. Красные отблески скользили по полу и распятым на стенах телах. Семья, шесть человек.

Керден не смог дольше прислушиваться к голосам. Мёртвых в деревне было слишком много. Полгода назад Грань забрала всех.

Он усмехнулся, вспомнив, как по наивности считал купол главным злом несчастного мира.

«Уничтожим Грань, спасём Тернорт», — так полагал каждый ткач обречённой страны. Но купол был инструментом, очередной игрушкой в костлявых руках маниту. Как и сам Керден, и весь Рэвилт в придачу.

— Можем укрыться в храме, — предложил он. — Когда Грань накрыла деревню, никто не успел обратиться к Единому.

— К храмам лучше не приближаться. — Тэн прижал девушку к груди, голубые кандалы зазвенели, точно мелкие хрустальные бубенцы. — Будем у Михаэля как на ладони.

— Неужто святилища не пустышки?

— Здания безобидны в отличие от статуй. Для Михаэля они словно вторые глаза. Попадём под взор, и на нас натравят орду фанатиков.

— Безумцы отыщут нас и без помощи Михаэля. — Клиос шёл рядом с Тэном, изредка поглядывая на цепи на запястьях девушки. Иногда оглядывался на западный горизонт, хмурился, но в разговор прежде не вступал. — Отсюда до побережья пара дней пути. Ночь, если сумеют разжиться порченным зверьём и повозкой. Маяк лежит посреди тракта, его и слепой за три лиги приметит. Деревню обыщут первой.

— Продолжать путь рискованно, — отозвался Тэн. — По крайней мере, пока Лирэ не придёт в чувства.

— Хуже, чем отсиживаться в деревне, ожидая толпу ткачей, что явятся по наши души? Тэн ответил без злобы:

— Ты пробыв с Лирэ какое-то время и должен знать, сколь переменчиво её настроение. Клиос повёл плечом, поморщился и сбавил шаг, отстав на дюжину ярдов.

— Вы знакомы? — любопытствовал Керден.

— Не думаю.

Тэн отошёл к обочине, стараясь держаться в свете одного солнца.

— А с девушкой? — спросил ткач.

— Не уверен.

За высоким зелёным забором виднелась покатая крыша низкого домика. Прошлой осенью на дверях порченный распял старика, в чём местные споро обвинили Кердена, а после не упустили шанса наказать ни в чём не повинную целительницу.

Ткач прислушался. За воротами, в маленьком дворике, заросшем малиной и полынью, смердел прошлогодний труп. Комнаты в скромном домишке отзывались угрюмой тишиной.

Керден первым толкнул калитку на ржавых петлях. Протяжный скрип огласил утопленный в красном зареве дворик, облетел собачью конуру с грузной, втопанной в грязь цепью. Кожаный ошейник, некогда сжимавший мощную шею, валялся на земле, обнимая позвоночник с кусками разложившейся плоти. Пасть покоилась на дне пыльной миски.

Ткач проникся сочувствием к псу, сошёл с тротуара, опустился на колено у круглого лаза. Конура оказалась глубокой, длиной ярда в полтора, по углам заросшей осотом и побегами одуванчика. Собаку убили цепь и голод, а это куда страшнее когтей порченного.

Закатав рукав, Керден обнаружил на запястье рисунок шестигранного кубика. На верхней грани отчётливо различалась «шестёрка», на боковой едва заметно розовело пятно от выжженной на коже «единицы».

— Это что за дрянь? — выругался ткач.

«Спрячь и никому не показывай», — прозвучал над ухом мягкий голос, будто его обладатель, облачённый в рясу храмового певчего, стоял за спиной и в нетерпении переминался с ноги на ногу.

Керден огляделся. Двор по-прежнему купался в ярких оттенках багрянца, из дома доносились шаги и скрип половиц.

«Спрячь кубик, — повторил голос. — Ещё не хватало, чтобы кто-то узнал, что я позимствовал часть сил Раздора».

— Балаашир? — Ткач сел у конуры, словно забитый пёс. — Ты научился говорить или решил окончательно меня извести?

«Предпочитаешь общаться символами? Помню, когда я тебя учил, ты скулил и рыдал в трюме моего корабля, словно портовая девица, ублажавшая матросню».

Керден сжал кулак да так и не нашёл, куда ударить. Проклятая тварь сидела внутри и пресекала всяческие попытки навредить — как себе, так и ему.

Бирюзовые кандалы звякнули о конуру, плетение нырнуло в щель между досок. Поводок соскользнул с жёлтых костей, позвонки, поочерёдно щёлкая, начали собираться в длинную цепь. Лапы с кусками дряхлой, осыпающейся плоти прилипли к зелёным хрящам, и мёртвая псина выскочила во двор, выломав доски и перевернув миску.

— Зачем тебе дохлый пёс? — простонал ткач.

«Пригодится», — ответил Балаашир и громко свистнул.

Псина с бирюзовым пламенем в круглых глазницах махнула облезлым змееподобным хвостом, рванула к воротам. Когти сдвинули засов, оставив на дереве глубокие борозды.

«Нуждается в доработке», — посетовал дьявол.

Положив морду на костлявые лапы, пёс лег у калитки. Дикий огонь в глазах несколько потускнел.

«Зайди в дом, нужно поговорить с Нихаэлем. После займёмся деревней».

— С кем? — не понял Керден.

«Иди в дом», — рявкнул Балаашир.

Кухню с низким потолком облюбовала местная живность. На ковре, сплетённом из тройки полотнищ, засыхал крысиный помёт, под потолком с пятнами чёрной плесени сохли в паучьих сетях мухи да комары.

Склонив голову, Керден протиснулся в пыльную горницу, прикрыл окно занавеской с белой кружевной оборкой по краю. Крепление сорвалось, и ткань упала на сундук с мощным

железным замком. Ругнувшись, ткач воткнул гвоздь между брёвен, намотал на него сухую верёвку и наконец сдвинул клятую штору. Комнату наполнил жидкий полумрак.

Нихаэля искать не пришлось — в бедном крестьянском домике, помимо печи, комода да старой дубовой прятки имелось всего одно место для сна. Жёсткая лежанка из стопки сосновых поленьев с матрасом, набитым слежавшимся пухом — вот и все удобства бывших хозяев. Девчонка спала, по пояс укрытая шалью, руки, обмотанные цепями, предусмотрительно лежали поверх одеяний.

— Не хочешь рассказать, что на самом деле случилось в Каэрне? — Балаашир сел на порог, в тень от комода и выбеленной печи.

— Случился Каин. — Нихаэль подошёл ко второму окну, закрыв спиной свет, упрямо пролезавший сквозь шторы. — Остальное — дела далёкого прошлого.

— Каин не выглядел опасным. Скорее чудным.

— Когда-то мы тоже так считали.

— После раскола он получил контроль над водоворотом?

Нихаэль посмотрел на девушку, вымучил краткий ответ:

— Да.

Пламя в душе Балаашира ликовало. В прошлом цикле Лираэль сделала рискованный ход, и ставка сыграла. Теперь дьявол надеялся, что прочие расчёты тоже будут удачными. Все, кроме одного. Владыка Смерти не собирался отдавать Преисподнюю на потеху Бездне, даже если платой за это стала бы жизнь творца. Любого из четверых.

— Мы встречались в Соледре два года назад. — Дьявол откинул рукава балахона. — Ты меня не узнал. Прodelки Каина? — Нихаэль кивнул, и Балаашир не смог сдержать сарказма. — Зачем ты впустил поганца в тело? Нихаэль, которого я знал, не был глупцом.

— Только им я всегда и был. — Он отвернулся к окну, свет Планарии расписал лицо нездоровым румянцем. — Хрустальный град пал, Каэрн разрушен. С тех пор имена творцов перестали хоть что-то значить. Зови меня Тэн.

Владыка Смерти огладил бледную скулу со следами давнего плетения. Зимой щёку пришлось штопать в спешке, рана до конца не затянулась и служила напоминанием о вероломстве людей.

— Смертное имя не сделает тебя смертным, — съехидничал дьявол.

— Предлагаешь расколоть душу? Один опыт у нас уже есть.

— Справедливости ради смертная из Лираэль тоже вышла неважная. — Балаашир улыбнулся дерзкой, по-матросски нахальной улыбкой.

Тэн не оценил насмешку.

— Она убила меня. В конце прошлого цикла солгала, что собирается растопить Никсию. Заманила меня на круг, вонзила копьё в спину и бросила умирать в снегах. Но прежде попыталась выторговать проход в Хрустальный град.

— Гиблая затея. Торговаться с тобой — всё равно что просить рыбу нести обсидиановые яйца.

— Лираэль туда нельзя. Если Михаэль покинет клетку, Преисподняя развалится на части.

Улыбка сползла с лица дьявола. Совет Тиземписиса издавна полагал, что важность владыки Хрустального града была порядком преувеличена. Не требовалось знаний и пытливого ума, чтобы согреть задом какой-либо трон. Уж Балаашир-то знал об этом не понаслышке. Да и Самаэль тоже. Тот вообще имел привычку появляться в неподходящем месте в неудобное время, отчего после рушились заговоры, и пролилась кровь предателей.

С Михаэлем дело обстояло иначе. Лучезарный властитель и до раскола редко покидал город и почти не светил нимбом перед почитателями, а после падения Каэрна, должно быть, совсем сроднился с обломками.

— Я впустил в тело Каина, потому что не хотел помнить, — проговорил Тэн. Балаашир уже не ждал ответа, поэтому притих и замер, не донеся руки до дверного косяка. — Каин предложил забвение, и я сдался. Также, как Лираэль когда-то. Она убила меня и была права. После всего, что я совершил, у меня не было права даже смотреть ей в глаза.

Цепь проволочилась по порогу.

— Нихаэль, которого я знал, может, и был глупцом, но не трусом, — парировал Балаашир.

— Я был упрям.

Ехидство пробралось в голос, точно молитва в уста грешника:

— Был?

Рука Лирэ соскользнула с лежанки, звякнув оковами. Розовые губы приоткрылись, веки дрогнули. Девчонка всхлипнула и затихла.

— Демон её не отпускает, — сказал Владыка Смерти.

— На тракте они пытались поменяться местами, — согласился Тэн. — На какое-то время цепи закроют для смертной проход в Ад.

— На все круги? — присвистнул дьявол.

— На всё, что ниже Рэвилта.

— Тогда мне несказанно повезло. — Балаашир продемонстрировал дюжину звеньев под рукавом. — Для меня под запретом только Мортуум.

Тэн поправил шаль, вернул руку девчонки на край лежанки, придерживая пальцы дольше, чем следовало.

— Я могу избавить тебя от оков Самаэля, — предложил он.

— Творцы нынче щедры на подарки. Не подумай, я благодарен и с радостью бы согласился, но это не освободит меня от контракта. — Балаашир вытянул ноги, проскрежетав цепями по полу. — Так что, если не хочешь отправить старого друга в Бездну, будь добр, не возвращайся за Грань.

— Я догадывался, что Данте причастен к моему побегу. Возможно, даже не к одному. — Тэн присел на стопку поленьев, не касаясь закутанных в шаль девичьих ног. — Но ты?

— Это случайность. Данте предложил контракт по защите порченного, и я не знал, о ком идёт речь, пока мы не столкнулись у амбара рядом со Стонфордом.

— И, разумеется, мой старый друг не стал раскрывать карты.

Балаашир ответил, не покривив грешной душой:

— В Соледре ты не узнал меня в истинном облике. Какова вероятность, что спустя два года ты признал бы друга в теле смертного? Я выжидал и, как видишь, не зря.

— А в итоге Каин оставил с носом нас обоих.

— Ещё нет. Прохвост остался в Наранте и пока не подозревает о девчонке.

Тэн замолчал, соткал на ладони хрустальную ветвь персикового дерева. Лепестки мерцали в свете алого солнца, наливаясь густой багровой краской.

— Помнишь пьесу, которую часто ставили на площади Каэрна? Историю о садовнике и наивной мечте о персиковом саде. — Бутоны распустились, обнажив, словно отлитые из стекла, цветы. — На перевале в Сонных горах я встретил Раздора. Он поведал мне ту же историю, но с иной концовкой.

— К чему ты клонишь? — сдвинул брови Балаашир.

— Раздор — гений, в решении головоломок ему нет равных, и всё же Каин всегда опережает его на цикл. Каин пишет за нас историю мира. Раз за разом, на каждые тридцать лет. Как думаешь, знает ли он о Лирэ? — Тэн хотел произнести полное имя творца, но осёкся.

— С каких пор ты утратил веру?

— А в кого здесь стоит верить? — Он скривил губы, будто к столу вместо десерта подали недожаренного висулу. — Я верил в мир, ради которого сражался все эти годы.

— В Хрустальный град? Город можно восстановить из обломков. Тиземписис тоже стоит на фундаменте древних руин.

— Хрустальный град — худшее из моих творений. Я ненавидел город всем сердцем.

Сражённый откровением, Балаашир поперхнулся. Жители Каэрна от чудотворных солони до светоносных гарпий преклонялись перед могуществом и восхищались красотой Хрустального града. Дворец почитали за чудо, а мастера, что его сотворил, — за величайшего скульптора Преисподней. Нихаэль каждый день посещал башни, подолгу засиживался в залах, где неустанно исправлял, доводил до совершенства шедевры, будто баюкал дитя, которого никогда не любил.

— Город сводил Преисподнюю с ума. Гавань, созданная как пристанище для душ, превратилась в символ власти, — произнёс Тэн. — Рад, что он разрушен. Жаль, не весь.

Однако Балаашира заботили отнюдь не терзания творца:

— Так ты не планировал восстанавливать трон?

— Зачем?

— Затем, что ангелам некуда возвращаться. — Владыка Смерти поднялся, цепи царапали угол печи, содрал слой извести. — Падение Хрустального града нарушило их цикл. Души не могут очиститься, и грехи смертных со временем превращают ангелов в монстров. Я схоронил всех, кого смог.

— Я видел крипту под Тиземписисом. Их сон длится слишком долго, вряд ли хоть кто-то сумеет пробудиться.

Голос, лишённый сожаления, разозлил Балаашира:

— Сто сорок восемь крипт, Нихаэль. Почти семьдесят тысяч душ.

— И я благодарен тебе за попытку. Пусть каждый из них обретёт покой. — Персиковая ветвь осыпалась сухими красными лепестками. — Но я не буду восстанавливать город и никого не пущу на границу руин. Ни мёртвых, ни живых.

Пожалуй, Лираэль не лукавила, назвав Нихаэля упрямым. Балаашир подобрал бы иные слова, нечто сродни твердолобой мурены, кусающей якорь в надежде разжиться жемчугом. Или медузой, что забралась на верхушку рифа и во время прилива оказалась на берегу. Моряки предлагали бедняжке вернуться в море, но жидкий, расплавленный солнцем мозг отказывался принимать помощь. Владыка Смерти запомнил Нихаэля именно таким. И ни раскол, ни циклы не изменили сути творца.

— Я не собираюсь врываться в Хрустальный град, — заверил дьявол. — Мы с Михаэлем не ладили до раскола, а с тех пор, как он присвоил всадников, отношения совсем накалились. — Тэн кивнул, принимая на веру маленькую ложь, и Балаашир спешно увёл разговор в другое русло. — Кроме того, не могу не согласиться с драконом. На побережье вас ждали, погоня наверняка в пути. Я осмотрю деревню, оставлю гостям пару сюрпризов, а перед закатом мы двинемся к Эрлуну. За Гранью сейчас безопаснее всего. — Он хмыкнул, добавил небрежно: — Особенно для Лирэ.

Крыльцо под соломенным козырьком нежилось в тепле весеннего утра. Тени от молодого вьюна расползлись по ступням, протянули кривые стебли к перилам. Дерево успело нагреться, жгло балахон и кусало кожу. Балаашир отпрянул от солнечных лучей, прижался к двери, точно грузная, неповоротливая черепаха.

История о садовнике и персиковом дереве назойливым мотыльком вилась в голове. Жужжала, свербела в горле застарелым привкусом горечи. Владыка Смерти помнил день, когда злосчастную пьесу впервые сыграли на главной площади Каэрна.

*Каэрн. Центральная площадь
10 месяцев до раскола Преисподней*

Зрители рукоплескали. От свиста и криков актёры шутливо прикрывали уши, с улыбкой отвешивали поклон за поклоном. История о смертном, мечтавшем взрастить персиковый сад, снискала славу в грязном рыбацком кабаке и постепенно дошла до главной площади города.

Балааширу льстил успех произведения, однако он наотрез отказывался признавать авторство. Для моряка, бороздившего воды потока душ, сюжет получился излишне простым, наивным, лишённым привычной суеты и сладкой музыки моря. Ах, если бы сирена согласилась спеть хоть одну из его баллад, тогда шум зрительских голосов достиг бы шпилей Хрустального града.

Со скукой окинув взглядом толпу, Балаашир заметил девушку, сидевшую в верхней чаше фонтана. Яркие рыжие волосы, словно потоки горячей лавы, струились по плечам и, опускаясь в чашу из обсидиана, испаряли воду. Хрупкое тело окутывал пар с ароматом цветов и свежескопшенной ржи. Запах, принадлежавший смертному.

Лираэль — самая капризная из творцов, огненный бич Каэрна, спрыгнула в нижнюю чашу, распугав жёлто-зелёных рыбок.

— Постановка получилась любопытной, — промурлыкала она, усевшись на бортик.

Девушка не была щедра на добрые слова, за редкой похвалой, невзначай срывавшейся с губ, всегда следовал упрёк или совет. Весьма настойчивый. В Каэрне Лираэль не любили — терпели, побаивались, избегали, поэтому она создала послушных игрушек, названных смертными. По крайней мере, слухи ходили именно такие.

— Но меня не впечатлила концовка.

Балаашир натянул улыбку. Вежливую, насколько позволяло матросское воспитание. Мнение избалованной жизнью создательницы он сбросил бы в море, как бесполезный ржавый якорь.

— Оставлять выбор за зрителями весьма опасный ход, — сказала девушка.

— По-моему, сюжет предельно ясен, младшая из творцов. — Демон сделал вид, что не заметил, как риф по имени Лираэль, вознамерился пробить его корабельное дно. — Садовник получил семечко и теперь сумеет вырастить дерево, о котором мечтал.

— Разве? — Девушка выудила из воды прядь волос. — Садовник завладел семечком, но мы не знаем каким. Его снова могли одурачить, и что тогда? Рискнёт ли смертный посадить семя? А если вырастет не персик, срубят ли дерево или обезглавит торговца? Вдруг семя погибнет или ураган уничтожит сад? — Лираэль отбросила прядь за плечо. — Столько неучтённых вариантов.

— Почему бы вам не насладиться представлением вместо того, чтобы раздумывать о возможном будущем? Мечта садовника осуществилась. К чему условности?

— С чего ты решил, будто садовник мечтал о персике?

Вопрос озадачил моряка:

— Я создал пьесу. Героев, события, сюжет.

— Ты создал куклу. Марионетку, которая потакала капризам автора на протяжении всей истории. — На миловидном лице застыла улыбка. Балаашир счёл бы её робкой, по-своему очаровательной, если б не знал, в каких водах плавала эта рыба. В бездне чёрных зрачков сгинуло множество душ, ещё больше сгорело в алой радужке глаз. — А как же садовник? Вдруг он мечтал не о персике? Или актёр — знаешь ли ты, о чём мечтал он, когда примерял эту роль? — Голос творца зазвучал жёстче, и к разговору стали прислушиваться прохожие. — У каждого события сотни вариантов, как и у каждого варианта — тысячи последствий. Когда создаёшь что-то новое, нужно продумывать всё. — Лираэль поднялась, отряхнула безукоризненно чистую блузу. — Я покажу, как маленькая безобидная история может стать легендой с тысячью концовок.

Следующим утром Балаашир проснулся в скверном настроении. Третье солнце запустило лапу в просвет между штор, настойчиво щекотало шею, словно жадная до любви и монет

блудница. Скорее до монет, ибо после вчерашнего кутежа демон не был способен даже на скромные плотские утехы.

В полдень «Песнь сирены» отчаливала в Никсию. Нихаэль попросил доставить на круг тюки паучьего шёлка и семена пламенных орхидей. Трюм набили до отказа, отчего корабль погрузился в воду ниже обычного. Пришлось раскошелиться и подкупить пару призраков, чтобы присматривали за бортом да при необходимости латали течь.

Балаашир натянул сапоги со стёртой, измазанной смолой подошвой, ругнулся, вспомнив про исподнее. В Каэрне не позволялось появляться в истинных обликах, и потому приходилось скрывать чресла под лоскутами ткани, маскировать крылья под цветные ленты и рога под кошмарные шляпки или, хуже того, волосы. Да и вообще выглядеть подобно смертным. Говаривали, будто и это было капризом Лираэль, злобной шуткой, дабы поглумиться над славными жителями города.

С десяток минут Балаашир раздумывал о том, чтобы отправиться на корабль в одних сапогах. Не дерзости ради, а в силу лени. Когда фрегат покинет бухту, в маскарade не будет нужды, и вещи полетят за борт под свист и ругань.

Поколебавшись и простонав в потолок, демон-таки обрядился в дешёвый матросский костюм.

В зале кабака, насквозь пропахшего рыбой и кислой духовной эссенцией, шумели гости. Гвалт женских голосов застучал в висках корабельным колоколом. Почёсывая ягодицу с круглым, налившимся кровью синяком, Балаашир подошёл к лестнице.

— Вот же он!

— А ну, держи, пока не удрал.

Толпа девиц в цветастых сарафанах, от которых рябило в глазах, и подбиралась к горлу морская болезнь, обступила демона.

— Вот мы сейчас и узнаем, чем взаправду дело закончилось. — Широкоплечая дама, за обликом которой наверняка скрывался пузатый слизень Флумейна, упёрла руки в бока. — Вздёрнул садовник торговца али кожу содрал?

— Да больно нужна кому-то шкура лжеца. Срам! В Эйкуте пауки даже задарма не возьмут.

— А сосед? Экий грубиян. — Женщина с необычно густыми волосами, вьющимися у лица, словно змеи, выступила вперёд. — Солгал, чтобы чужое добро прикарманить.

— Все демоны так поступают, — ответили ей из-за стойки бара.

Девыцы накинулись на кабатчика стайей голодных пираний. Балаашир попытался проскользнуть к выходу, однако цепкая рука удержала за воротник.

«Надо было пойти в одних сапогах», — успел посетовать он.

— Говори, подлец, какая концовка верная.

— Садовник получил семечко персика. — Балаашир извернулся, ткань затрещала. В порванную шнуровку тотчас вцепилась когтистая лапа совсем юной девы. — А уж что дальше было, решайте сами.

— Как это? А ну, признавайся! Или то тайна какая? Ритуал нужен?

— Садовник посадил семя в землю и вырастил персиковое дерево. Конец истории. — Демон высвободил край рубахи, поправил воротник, когда пышнотелая девица потянула его за рукав.

— Врёшь! Смертные мстительны. Не простили бы.

— Так поди, и садовник смертным не был? — крикнули из толпы. — Торговец соврал про семя, может, и про смертного приукрасил?

— И то верно. Ангел, значит.

— А что это, как с умом не в ладах, сразу ангел?

Спор разгорелся с новой силой. Женщины сцепились, словно суккубы, не поделившие сладкую душу мученика.

Балаашир юркнул к двери, прищурился, ослеплённый вспышкой рыжего света. Лираэль вскочила на стол, подняла кувшин с духовной эссенцией.

— Столько вариантов, и каждый имеет право назваться единственно верным. — Она поманила демона тяжёлым костяным кубком. — Объявляю состязание! Тот, кто сумеет вывести правду, будет вознесён мною в Хрустальный град.

Публика завизжала. Балаашир, теряя сапоги, побежал к порту.

Вне всяких сомнений, тот день был худшим в жизни Балаашира. За исключением, пожалуй, дня его смерти. Когда рухнул КаэРН, и поток душ слился с водами Мортуума, демон застрял в центре воронки. Ярость водоворота содрала плоть с костей, остудила пламя и потянула вниз, к Бездне. В отчаянии он взмолился творцам, но ответил на зов только Каин.

По сей день Владыка Смерти гадал, чем заслужил его внимание, и раз за разом приходил к одному ответу. Вариант и последствия.

Клиос вынырнул из-за поленницы у невысокого, в пять колышков, заборчика.

— Деревня не защищена. Ни рва, ни укреплений, ни оружия. На сталь я бы тоже особо не рассчитывал. — Он бросил меч Тэна у крыльца. — Придут ткачи. Атаковать будут с севера и юга. Западный и восточный фронт для них прикроют два солнца. Ты ведь как раз не в ладах с солнечным светом.

— Лучше бы занялся обороной, а не поиском чужих слабостей, — огрызнулся Балаашир.

— Одно другому не мешает. — Клиос поднялся на ступень, привстав на носочки, заглянул в прикрытое шторой окно. — Их безопасно оставлять наедине?

— Да, пока девчонка в цепях. Видел в окрестностях что-нибудь интересное?

— Яму с трупами в поле за мельницей, — шепнул он.

Близость мертвецов для Балаашира была только на руку, к тому же из тел в общей могиле можно было смастерить куклу поинтереснее привычных скелетов.

— Поищи телегу или добротные сани, — попросил дьявол, шагнув к скрипучим ступеням. — Если девчонка не очнётся к закату, запряжём мертвецов.

— Куда направимся?

— В Эрлун.

— Город на равнинах? Я могу перенести вас туда.

— Дракон слишком приметен, — отозвался Владыка Смерти, скрыв облик за внешностью Кердена. — А я не хочу, чтобы у стен моего города толпились фанатики. Как начнут петь оды Михаэлю — не заткнёшь.

За воротами запах смерти ощущался острее, чётче. Дорога, у обочины заросшая крапивой и стеблями молодого осота, вилась вдоль крестьянских домиков. Несмотря на ясное весеннее утро, ограды заливал душный сумрак с затхлыми, злыми тенями. Недружелюбными, таящими обиду на живых.

Балаашир сунул руки в карманы, сказал Кердену:

«Идём в храм».

Ткач не сдвинулся с места. Пальцы нащупали рыхлый, скользкий кусок сырого мяса.

«Печёнка. Можешь выбросить».

Кровавый комок шлёпнулся на дорогу. Керден вытер руку о штанину:

— Тэн велел держаться подальше от статуи Михаэля.

«Разве я говорил, что нужна статуя? Мне нужно в храм, поэтому заткнись и пошевеливайся».

Разумеется, ткач не справился ни с одним из поручений. Вместо бодрого шага побрёл по дорожной колее, сминая ногами кусты подорожника. И ожидаемо не сумел не раскрывать рта.

— Видел твои воспоминания. Водоворот уничтожил «Песнь сирены». Часть команды сгинула во льдах Никсии, остальных выбросило на острова уровнем ниже. В Салту?

«Я видел много твоих воспоминаний, но не кричу об этом на каждом углу. К примеру, ночь на сеновале с одноглазой Элли. Позор, каких поискать».

У Кердена кровь прилила к лицу:

— Я тогда был мертвецки пьян.

«А я сейчас дьявольски зол и не желаю откровенничать со своей смертной игрушкой».

За полгода деревня не изменилась, лишь смолкли петухи во дворах да погасли огни в маленьких окнах. Промозглый туман убрал с улиц когтистые лапы, затаился в подлеске за неспаханым пшеничным полем.

Неподалёку от храма Керден свернул на тенистую тропку между заборами.

«Что на этот раз?» — проворчал Балаашир.

— Хочу навестить старого друга. — Ткач сорвал прилипшую к рукаву колючку. — Это не займёт много времени.

Неприметный бугорок на земле размыли дожди. По краям насыпи выросли сорняки, и одинокая ромашка устало покачивалась, понунив белую голову. Безымянная могила молчаливо встречала рассвет.

Керден укорил себя, что прошлой осенью не нашёл времени задержаться, заказать надгробную плиту или, на худой конец, разжиться свечой в храме и поставить на могилу вместо памятника. Ткачи, при жизни блуждавшие во тьме, после смерти нуждались в свете как никто другой.

— Обещал вернуться, и вот я здесь. — Керден опустился на колени, убрал прошлогодние листья и пару шишек, пригнанных зимним ветром. — Первое обещание, которое мне удалось сдержать. Ты бы гордилась. — Ветер зашелестел мелкой берёзовой листвой. — Прости, Орана. Если бы тогда я знал, что келифос после Соledры стал безделушкой, всё бы сложилось иначе.

«Души Ораны здесь нет, — вмешался Балаашир. — Болтаешь с горсткой земли и костей».

— Ты напрочь лишён уважения к мёртвым, — шикнул ткач.

«Смерти не нужно почтение. Она существовала и будет существовать всегда, как к ней не относишься. Но ваши нелепые ритуалы, — дьявол изобразил крик чайки, срыгнувшей тухлую рыбу. — Могу поднять девчонку как мертвеца. Всё лучше, чем говорить с могилой».

Керден сжал в кулаке пучок сухой листвы:

— Не вздумай.

«Разницы не заметишь. Что так, что эдак не ответит».

— Лучше бы ты и дальше молчал.

Балаашир разжал кулак Кердена, выпрямил указательный палец и вывел на могиле два неровных символа.

«Глупый смертный», — прочитал ткач.

Керден стёр надпись, но палец снова вывел прямую линию и перевёрнутую птицу в треугольнике.

«Слабак».

Рисунок походил на символ, которым Балаашир пользовался прошлой осенью. Ткач снова стёр каракули дьявола, на теперь сам по памяти начертил два треугольника с крестом в центре.

— Что означает этот символ? — Владыка Смерти не торопился с ответом, и Керден добавил: — Пройдя осенью на тракте, когда ты заключил контракт с Данте, в твоей руке был такой же символ. Я не смог определить значение.

Балаашир отозвался после долгой паузы:

«Егерь».

— И что это значит?

«Егеря — отряд сильнейших воинов Преисподней, присягнувших на верность Самаэлю. Данте один из них. И он был первым, насколько мне известно».

Керден убрал демонический символ с могилы:

— Поэтому ты избегаешь открытого боя?

«Глупцы ищут сражений, мудрецы, — Балаашир дёрнул щекой, — просчитывают варианты».

В деревню возвращались той же тропой. Ткач вышел на дорогу, срывая с плеч почки репья, остановился, чтобы вытащить из стоп мелкие жёлтые колючки. Без помощи маниту босоногие прогулки по полям доставляли ряд неудобств. Кроме того, от одежды по-прежнему разило кровью и помоями, а стойкий запах мертвечины, стелившийся за Балааширом, казался издёвкой, надругательством над безмятежными стенами храма.

Внутри святилища неприкаянным духом блуждал сквозняк — гонял сухую листву, шуршал бумагой, выл и скрипел в щелях округлого свода. Блёклый свет пробирался сквозь окна, окрашивая скамьи медным блеском рэвилтского солнца.

Владыка Смерти толкнул ногой створку двери, прислушался к скрипу металла. Масло в петлях высохло, отчего дверь сдвинулась на половину ярда, качнулась и замерла, точно трухлявая ширма. Благо пространства хватило, чтобы ткач протиснулся в мрачный зал.

Балаашир тотчас взял тело под контроль, каркнув хриплой вороной, двинулся к алтарю. Взор Михаэля дьявола не страшил — глаза изваяния были выцарапаны, прорыты до дыр в камне. Обглоданный нос валялся на полу среди крошек и пыли.

— Умница, — похвалил он псину, лежавшую на плечах статуи. — Заберу с собой в Мортуум.

Под потолком, где свод сужался и переходил в колокольню, закружились бирюзовые огоньки.

Храм располагался в центре деревни, что делало его идеальным местом для создания погребального колокола. В округе лежало с полсотни трупов, Балааширу стоило только позвать.

— И всё же я никак не возьму в толк. — Голос Кердена прорвался сквозь нарастающий шёпот мёртвых. — Все эти годы Каин находился в теле Тэна. Потом они разделились, и по счастливому стечению обстоятельств Данте сумел признать Каина в теле Бриссы. Почему сейчас? Почему за столько лет Данте не узнал его в Тэне?

Меж ветхих перекоордин сплетался колокол. Владыка Смерти поправил плетение, чтобы усилить звон.

«После смерти тело Бриссы использовали в качестве вместилища для другой души. Во вселенной лишь пара существ способны повернуть подобное. Данте подозревал меня, поэтому устроил тот спектакль на палубе. К счастью, Каин сознался раньше».

— Но в этом не было смысла, — упорствовал Керден. — Зачем Каину, которого разыскивает половина Преисподней, так просто раскрывать свою личность?

«Он отрицал».

В юбке колокола показался бирюзовый язычок.

— Поначалу. Но стоило Данте надавить, как он тут же согласился. Неужели Каин, одурчивший творцов, не сумел бы найти отговорку? И есть ещё одна деталь, которая не даёт мне покоя. Помнишь плетение, которым Тэн разрушил ворота в столице? Это ведь была его магия, а не Каина. Поведение Каина с самого начала было присуще скорее актёру, нежели хозяину водоворота.

Колокол рухнул на алтарь, проломил камень, оставив в полу глубокие трещины.

Актёр. Балаашир настолько увлёкся погоней за Нихаэлем, что не придавал значения мелким деталям. Упустил варианты. Как и садовник, он уверовал, что получил семечко персико-

вого дерева, и чуть не посадил в землю апельсин. Торговец солгал? Или то семечко подбросил на прилавок предприимчивый сосед?

«Выдвигаемся в Эрлун прямо сейчас». — Владыка Смерти выбежал на улицу, позабыв о колоколе.

— Тот, кто назвался Каином, вовсе не он? — догадался Керден. — Где тогда настоящий?

«Где угодно. Лираэль разыскивала его со времён раскола и напала на след триста лет назад».

— И вы решили заманить его в Рэвилт?

Владыка Смерти оставил вопрос без ответа.

В конце улицы, где на стыке дорог стоял домик с зелёным забором, поднимался дым.

Керден перемахнул через канаву с пышными перьями рогоза, рванул к воротам. Заметил человека у крыльца, юркнул во двор, в тень развалившейся конуры и кустов малины. Впереди что-то щёлкнуло. В ушах зазвенело, в нос пробрался запах полевых трав. Лицо обдало жаром, и в следующее мгновение крохотный домишко взорвался, точно бурлящий вулкан.

Глава третья

ПО КОМ ЗВЕНЯТ КОЛОКОЛЬЧИКИ

*«Неверные да убоятся знамения Единого. Дланью Его
благословлены будут. Очищены от греха в священном пламени Его гнева».
Откровения Единого. Послание о прощении*

От всполохов огня рябило в глазах. Дым обжигал горло, растекался по лёгким горьким полынным сиропом. Густая тёмная кровь заливала одежду и обломок рамы, застрявший в груди. Дерево горело с другого конца, и Керден никак не мог изловчиться, чтобы вытащить палку или погасить пламя. Без Балаашира умирать оказалось слишком больно.

Крестьянский домик вспыхнул, точно стог сена. Взрыв выбил стёкла, раскидал по двору обломки печи и куски горящего дерева. С обугленной крыши разлетелись перья соломы, над воротами кружились хлопья горячего пепла.

Огонь подбирался к рубахе, дышал жаром и норовил испробовать на вкус сухую, покрытую шрамами кожу. Керден обмотал ладонь тканью, щедро пропитанной кровью, взялся за обломок у самого края раны. От боли голова пошла кругом.

— Оставь, сделаешь только хуже. — Голос прозвучал сбоку, из малинника, присыпанного углями и битым стеклом.

Чёрно-красная пелена заволокла глаза. Керден ощутил, как слабеет, проваливается в темноту, но незримые путы упрямо вытаскивают обратно.

Его и впрямь тащили, держа под руки, волокли по земле, невзирая на кол в груди и хрипы, что ненароком срывались с губ. С трудом разомкнув веки, он различил объятый пламенем двор и столбы дыма, тянувшие к небесам сизые рукава.

Затем вернулись боль и обжигающе-холодная пустота.

Когда Керден снова пришёл в себя, дорога пошла под уклон. Листья крапивы ужалили лицо, дикий бурьян опутал ноги. Кто-то споро выругался над ухом, схватил за ворот рубахи и рывком затащил в тень.

— Слишком нерасторопен для дракона, — проворчал Балаашир, тотчас погрузив Кердена в сон.

Взрыв едва не прикончил его вместе со смертным. И если с огнём Владыка Смерти мог совладать, то свет двух солнц напрочь лишал сил. Плетения рассыпались, таяли прошлогодним снегом, превращая ткача в слабую, уязвимую оболочку.

— Ты не мог бы? — Балаашир указал на кусок дерева, торчавший из груди на две полных ладони.

— Просишь о помощи нерасторопного дракона? — съехидничал Клиос, но палку всё же достал.

Сердце ткача забилося, точно рыба в сети, а после резко затихло. Владыка Смерти закрыл рану круглым плетением, прислушался. По дороге от дома до тени, в которой они с позором укрывались, сердце Кердена дважды останавливалось, и каждый раз Балаашир ощущал смрадное дыхание Бездны, обжигавшее кожу больнее проклятых солнц. Он подстраивался под ритм, вливал пламя в смертное тело, которое никак не могло отказаться от такого пустяка, как дыхание.

Будь Керден мертвецом, сотрудничать было бы проще. Крохотная ошибка в контракте в итоге обязала дьявола стать нянькой для трусливой смертной душонки. Смех, да и только.

Плетение занялось бирюзовым огнём. Балаашир различил тихие удары сердца, уловил слабый вздох и, убедившись в сохранности оболочки, удостоил Клиоса вниманием.

Убежище, где схоронились дракон и дьявол, оказалось канавой с худым деревянным мостиком, нависшим над головами. По весне здесь собирались талые воды, журчали озорные ручьи, унося из деревни пожухлую траву и мелкий мусор. Земля подолгу сохраняла влагу, быстро зарастала сорняком и источала стойкий запах прелой листвы и гнилых корней. Балаашира аромат не смущал, в отличие от кривившего нос дракона.

Впрочем, причиной недовольства, помимо вони и колючего бурьяна, могли быть как рана под бронёй, которую Клиос старательно прятал, так и обожжённая взрывом половина лица. Балаашир принюхался — к смраду земли примешивался запах горелых волос, тлеющей плоти, застарелых останков и пепла. Воняло прахом Зонтаносты.

Пару столетий назад Владыка Смерти был не прочь обзавестись драконом в качестве личного питомца. Хозяйка врат Фоздо в подчинении дьявола — неплохая демонстрация растущей мощи. Кабы не Лираэль и огненное копье, сидел бы сейчас на троне Тиземписиса, отправлял неугодных жариться в пекле первого круга да изредка припугивал Совет мордой Зонтаносты, отражавшейся в столичных зеркалах. Эдакая потеха в скучных веках его безмерно долгой жизни. Всё лучше, чем знаться со смертными.

— Где Тэн и девчонка? — спросил он.

— Ушли к мельнице. Я планировал забрать всех оттуда, но, раз уж мы с тобой делим место в канаве, — Клиос воткнул горящий конец рамы в землю, — можно считать, что всё пошло не по плану. На кой чёрт ты вернулся?

— Я велел тебе разыскать телегу, — вместо ответа прошипел Балаашир.

— Она не спасла бы нас от фанатиков. — Клиос вынул из земли головёшку, осмотрел острый дымящийся кончик.

— Послушники не добрались бы с побережья так быстро.

— Разумеется. Но я говорю о тех, что стоят лагерем за деревней. — Он метнул палку в Балаашира. Остриё вонзилось в лист лопуха близ правого уха. — Я заметил их, когда сбросил маяк на тракт. Дюжина палаток, рясы, размалёванные красной краской, три костра на окраине. И уж поверь, они не оленину там обжигают.

Балаашир сдвинул брови, позабыв о струйке дыма, назойливой мухой вившейся у носа.

На пороге Эсхатона мир всегда заполняли фанатики. Толпы безумцев проходили по странам, точно гигантский плуг, оставляя за собой рыхлую, глубокую рану, что наполнялась слезами и кровоточила, покуда пламя пожаров не обращало мир в безжизненный огненный шар. Неверных пытали в темницах, публично истязали, казнили на алтарях, прикрывая деяния Откровениями и оправдывая грехи благословением Михаэля.

За тысячи Эсхатонов Балаашир видел, как извращённые желания выползали из тёмных уголков людских душ, словно слизи в непогоду, извивались и пачкали гноем добропорядочных прихожан, обнажая злобные лица с налитыми кровью глазами. Видел и всякий раз дивился неоправданной, не знавшей границ жестокости.

Откровения не были приговором. С сотворения циклов священные тексты призывали людей сплотиться, покаяться и обрести в вере путь к Хрустальному граду. Однако пороки всегда брали верх над смертными, и стоило вспыхнуть одному еретическому костру, как пожар казней охватывал целые континенты.

Балаашир много лет изучал людское безумие, но не продвинулся дальше названия — «Глупое стадо, ведомое страхом». Впрочем, одна закономерность всё же присутствовала: чем меньше времени оставалось до Эсхатона, тем чаще звучали крики сжигаемых заживо праведников.

Три жертвенных костра в лагере за деревней ещё не сулили скорого завершения Эсхатона, чего не скажешь о висельниках в Груне, беспорядках в столице и солнцах, пучивших

глаза на мир, точно два исполинских циклопа. У Рэвилта оставалось полгода, прежде чем он превратится в близнеца пылающей Планарии. И это по самым оптимистичным прогнозам.

О неудачном сценарии Владыка Смерти старался не думать. Время утекало, а он по-прежнему не успевал заниматься главной задачей.

Плетение заканчивало штопать рану. Балаашир повернулся набок, вытянул ноги. Места в тесной канаве не доставало, и босая нога дьявола сначала упёрлась Клиосу в грудь, а после соскользнула с брони, приложив пяткой между металлическими пластинами. Удар пришёлся по ране, полученной в небе над побережьем. Дракон зашипел, и Балаашир, изобразив невинную улыбку деревенского дурачка, приложил палец к губам.

По затылку пробежали колючие мурашки, голова загудела, будто сдавленная узким металлическим обручем. К мостику над канавой приближались живые. Балаашир прислушался к ощущениям, сжал зубы. Хуже живых могли быть только верующие.

Хлопнула калитка старой ограды. До убежища в тени донеслись степенные голоса.

— Ежели Пророчица сказала, значит, так оно и случится.

— Я не сомневаюсь в её словах, но за неделю мы трижды обыскали деревню. Никого как не было, так и нет.

Второй голос принадлежал пареньку с изъеденным язвами лицом. Балаашир мельком различил низкую, сгорбившуюся фигуру с излишне выдающейся вперёд шеей, и деревянный символ солнца, болтавшийся на груди, словно талисман.

— Двоих изловили, — отозвался мужчина постарше. — Значится и третьего отыщем.

— Так это на тракте было, — посетовал паренёк. — Сколько уж дней прошло? Останками даже вороньё брезгует.

Две пары ботинок застучали по деревянному мостику.

Владыка Смерти погасил плетение, вжался в землю. Большим пальцем ноги подцепил стебель крапивы, наклонил, прикрыв отблески солнца на броне Клиоса. Жгучие листья коснулись обожжённой части лица. Дракон напрягся, но не издал ни звука.

— Вороны не сунутся, ибо страшатся гнева Пророчицы, — ответил пареньку старик. — Да и тебе следовало бы. За сомнения должно палками отходить да на костёр спроводить.

— А то не вам судить, — огрызнулся малец. — Я служу Единому и повинуюсь только гласу Его. Вам ли не знать, что без дозволения Его убийство служителя грехом тяжким будет.

Люди сошли с моста, вышли на дорогу. Под ботинками зашелестела смятая молодая трава.

— Грехом будет, ежели мы и сегодня никого не найдём.

— Так, знать, нашли уже. Эвон как полыхнуло.

— Небось, сама Пророчица светом Его жилище неверных озарила.

К двум удаляющимся голосам присоединились ещё с десяток. Расстояние приглушало звук, однако не было сомнений, что люди толпились у пожарища.

— За тобой следили? — шёпотом спросил Балаашир, словно боясь распугать и без того зыбкую тень.

— Да. — Клиос убрал ветвь крапивы от лица, поймал Владыку Смерти за щиколотку. — Но не думай, что я нарочно привёл их к дому. Пока вы с Тэном щебетали, словно бабки на базаре, я обошёл деревню и присмотрелся к лагерю. Среди фанатиков много ткачей, а я не из тех, кто может тягаться с магией. И уж точно не в этой форме. — Он указал на броню.

К удивлению Балаашира, дракон не лукавил. При жизни Зонтаноста имела колоссальные размеры и едва умещалась на горном хребте, окружавшем врата Фоэдо. Клиос унаследовал её тело. И пусть Кашииру не удалось воссоздать старуху в былом величии, размеры дракона оставались внушительными. Одного неловкого шага было достаточно, чтобы растоптать лагерь фанатиков и всю деревню в придачу. Хвала творцам, Клиосу хватило ума не менять облик, пока поблизости находились союзники.

— Мог бы предупредить о лагере, а не заманивать к мельнице сказкой о трупной яме. — Владыка Смерти дёрнул ногой, под рваной штаниной мелькнула бирюзовая цепь.

— Нас могли подслушать. — Клиос не отпустил щиколотку дьявола. — Я назвал единственное место, достойное внимания, но ты, как последний осёл, поплёлся в другую сторону. Мы застряли здесь по твоей вине.

Он разжал руку, и Балаашир, осев на траву, тихо ругнулся.

— Стоило сразу рассказать обо всём.

Клиос скривил губы, будто ненароком сожрал кусок гнилого мяса:

— Не сочти за откровенность, но я тебе не доверяю и буду действовать исключительно по своему усмотрению. Меня заботит только девчонка. Увы, ради её безопасности пришлось рассказать Тэну о фанатиках и задержаться у дома, чтобы прикрыть их побег. Отступи я минутой раньше, спасти твою жизнь было бы некому.

Балаашир понимал, на что намекает дракон, но не спешил соглашаться на сделку. В Наранте Клиос просил пожертвовать Стиксу сто тысяч душ, и минувшая ночь вряд ли изменила ставку. На другую чашу весов наверняка будет брошена жизнь Владыки Смерти.

— Я дал подсказку, которой ты не воспользовался, — добавил Клиос, сдвинув лист лопуха и приглядевшись к калитке.

— А ты, стало быть, не смог пройти мимо умирающего, — съязвил Балаашир.

— Отнюдь. Мне было бы в удовольствие наблюдать, как кто-нибудь вспорет тебе брюхо или проломит череп. Даже жаль, что это буду не я. — Клиос вернул лист на прежнее место, с вызовом посмотрел на дьявола. — Живой в Рэвилте ты для меня полезнее, нежели мертвец в Мортууме. Отправь Стиксу сто тысяч душ. По пятьдесят за каждый раз, когда я спасал твою жизнь.

— Что-то не припомню второго, — проворчал Владыка Смерти.

— Отсюда до мельницы можно добраться через огороды. Перебежишь дорогу и дальше по прямой до дома с разбитыми окнами. После сориентируешься. — Клиос выбрался из тени, чешуйки на броне окрасились тёмным багрянцем. — Не опаздывай. Как отведу фанатиков от деревни, сменю облик и подберу вас в поле за мельницей. Ждать не буду, — бросил он и вышел на дорогу.

Балаашир не проникся благодарностью, не ощутил беспокойства, когда толпа у пожарища взорвалась криками, и дракон, умело изобразив испуг, помчался к калитке. Лишь подивился, насколько наглыми стали первые творения Самаэля, да подтянул колени к груди, чтобы укрыть рукавами цепи. Затаился и обратился в слух.

Одна пара сапог простучала каблуками близ мостика. Человек часто дышал, связка деревянных дощечек ударялась о пояс. Вторая пара ботинок промчалась по другой стороне, вдоль канавы. Полы холщовой рясы цеплялись за колючки пышного лопуха. Десяток сандалий прошуршали по мосту стоптанными подошвами, один человек прихрамывал на левую ногу.

Владыка Смерти насчитал одиннадцать служителей, прежде чем улицу окутала робкая, благозвучная тишина. Жужжала пчела над цветком одуванчика, в кусте клевера стрекотал одинокий кузнечик, вдалеке трещал огонь утихающего пожара. Голоса до убежища больше не долетали, только проказник-ветер лениво шелестел листвой у обочины.

Выбираться под солнце он не хотел. До завершения Эсхатона Балаашира вполне бы устроила жизнь древесной личинки, забившейся под корягу, или ленивой толстозадой жабы, из уютной тени наблюдавшей, как солнца сменяют друг друга до последнего вздоха Рэвилта.

Дьявол ругнулся, с отвращением высунул руку на свет. Кляня мир до времён сотворения, заставил себя выползти навстречу солнечным лучам и, цепляясь за траву, взобраться по крутому склону.

С дороги убежище под мостиком казалось совсем маленьким. Никто в здравом уме не стал бы искать там человека, а двоих и подавно.

Керден сбивчиво задышал. Он ещё помнил мгновения смерти, боль и липкую холодную пустоту, обволакивающую со всех сторон, будто пуховое одеяло. Разум не успел осознать, что опасность миновала, и оттого заставлял сердце стучать не хуже копыт несущегося галопом жеребца.

Ткач ощупал грудь.

«Я залатал дыру, — сказал Балаашир. — Пошли».

Единственная пуговица потерялась на пепелище, рубаха, испачканная кровью, дорожной пылью и зеленью, болталась на плечах, словно тряпка на соломенном пугале.

В растерянности Керден перевёл взгляд на столб дыма:

— Что произошло?

«Теряем время, — буркнул Владыка Смерти. — Иди к мельнице».

Огонь над пожарищем перестал скалить зубы, изредка выплёвывал искры да ворчал горячей золой. Половина ворот лежала у соседнего дома поверх кустов сирени, вторая половина тлела у обочины, рядом с тёмным комком влажной земли. В сгустке грязи Керден узнал печень, которую давеча нащупал в кармане и бездумно выбросил на дорогу.

Над куском зловонного мяса, помимо мух и мелкой мошкары, склонялась девушка в простом одеянии священнослужителя. Драную, засаленную рясу подпоясывала плотная бечёвка с двумя деревянными солнцами, подвязанными к концам нитей. На груди красовался вышитый алый круг с четырьмя лучами для каждой из сторон света.

Девушка надела пальцем в центр печени, щедро измазала палец вязкой тёмной кровью. Придержав рукав, вывела на земле несколько символов.

«Иди, пока нас не заметили», — приказал Балаашир.

Керден сделал шаг к огородам и замер, едва в нос пробрался сладкий запах полевых трав и свежее испечённых каштанов. Аромат шишек, смолы и домашнего очага. Тепла. Манящего, дурманящего голову тепла, такого знакомого, что ткач не смог удержаться. Повернулся и окликнул:

— Мисарра?

Пальцы девушки остановились, не дочертив символ. Она отняла взгляд от рисунка, золотое сияние в зрачках быстро сменилось привычной тёмно-карей радужкой.

Балаашир, не стесняясь, сравнил ткача с призрачным скатом, которые славились скудоумием и абсолютной неспособностью выполнять простейшие поручения.

— Как ты здесь оказалась? — Керден сделал пару шагов навстречу.

Мисарра встала, подол рясы приподнялся над землёй, обнажив босые ноги и золотые колокольчики на цепочках, подвязанных вокруг щиколоток.

— Могу задать тот же вопрос.

— Разве, — Керден замешкался, — ты не должна быть в Груне?

— Должна быть? — мягкий голос стал жёстче. — А, я поняла. Игрушке следует оставаться там, где её бросил хозяин, верно?

— Я не это имел в виду. — Ткач остановился, хотел, но не решился приблизиться.

— Неужели? Раньше ты отводил для меня именно эту роль. Глупая кукла, способная скрасить одиночество — большего не требовалось. Игрушки не плачут и не жалуется. Вот и Мисарра помолится, простит и забудет. Так ты думал?

Взгляд исподлбья, полный ненависти и скрытой, невысказанной злобы, заставил Кердена отступить.

— Нет, я всегда ценил твою помощь.

— Помощь неверным обходится слишком дорого. — Девушка вскинула подбородок, процедила сквозь зубы: — Мой дом. Моя деревня. Шрамы, оставленные палачом. Мой храм в Груне. Даже жизнь моего брата. Вот какую цену я заплатила, — отрывисто произнесла Мисарра. — А у тебя не хватило смелости сказать правду. Все вы лжецы и предатели. Брисса,

Данте, ты — каждый солгал, что Райнер в безопасности, а его тело тем временем тлело, прикованное к дверям храма. Единый поведал, что это ты отнял у меня последнего родного человека.

— Что? — опешил Керден. — Я даже не знал, что Райнер в Груне. Если только, — ткач побоялся признаться, что плохо помнил события ночи, проведённой в городе. Большую часть времени тело контролировал Владыка Смерти, а редкие проблески воспоминаний в основном сводились к просьбам убить Шале и отомстить за Эллю. — Балаашир?

Дьявол не отозвался.

— Ха, ещё один предатель. — Девушка наступила на рыхлый кусок плоти, капли крови разлетелись по сторонам, разукрасив символы. — Колокольчики на щиколотках озорно зазвенели. — Впрочем, ничего удивительного. Души с одинаковыми грехами всегда тянет друг к другу.

— О чём ты говоришь? — Ткач отступил на шаг, чтобы сохранить дистанцию. Жест совершил Балаашир, но отчего-то движение показалось Кердену правильным. К запаху трав, окутывающему Мисарру, точно вуаль, примешивался тонкий, почти неуловимый аромат скорой грозы.

Владыка Смерти красочно выругался, соединив в одной фразе якорь, корабельные ванты, часть тела пса и русалочью мать.

— Даю шанс покаяться. — Колокольчики затрепетали, тронутые листьями осота. — Вам обоим.

— То, о чём она говорит, правда? — прошептал Керден. — Ты убил Райнера?

«Я убил множество смертных, — ответил дьявол. — И никогда не имел привычки спрашивать имена и узнавать родословную».

— Если Балаашир не согласен, у тебя всё равно есть шанс, — настаивала Мисарра.

— Да что на тебя нашло? — не сдержался ткач. — Молитвы совсем задурили голову? Или служители Единого напели сказок о приближении Эсхатона?

Взгляд девушки стал отстранённым, лицо — бесстрастным.

«Скорее это она задурила головы верующим», — успел обмолвиться Балаашир, прежде чем Мисарра заговорила высоким, надломленным голосом.

— «Нет глупости большей невежества смертных», — процитировала она строку из Откровений. — Мир, где неверные мнят себя праведниками, люди добровольно заключают сделки с маниту, а ткачи, запятнавшие души контрактами, молят Небеса о прощении — разве не заслуживает он очищения? Истребления еретиков и искоренения очагов ложной веры? Разве не нуждается более других в любви и защите хранителя своего? В свете и пламени творца? — Губы Мисарры изогнулись в полуулыбке. — Ведь если «двери храмов всегда открыты для праведников», значит, у Единого достанет милосердия и для столь грешных душ.

«Вот же трюмная крыса, — рывкнул Балаашир. — Беги. — Керден не пошевелился, и дьявол с раздражением добавил: — Беги, пока мы оба живы».

В ладони Мисарры соткался золотой лук, между тонких пальцев вытянулась стрела. Нити плетения мелко вибрировали, наполняя воздух низким гулом, и зашипели рассерженной кошкой, когда древко стрелы легло на тетиву.

«Ты нас обоих прикончишь, — распалялся Владыка Смерти. — Беги! Беги, чтоб тебя».

Не сдерживаясь, он продолжил сыпать ругательствами на демоническом языке.

Керден перестал прислушиваться. Будто замороженный смотрел на натянутую тетиву и не мог поверить ни глазам, ни словам дьявола. Деревенская целительница, которая осенью не нашла сил выстрелить в Тэна, а после предпочла разбить лук о голову Данте, чтобы ненароком не убить порченного, теперь, не дрогнув, запустила в Кердена плетением.

— Как? — произнёс он, когда золотое остриё сорвалось с тетивы.

Балаашир среагировал быстрее ткача. Увернулся от стрелы, вернул Кердену контроль над телом и гаркнул:

«Беги».

Ему пришлось повторить трюк, чтобы уберечь смертного болвана от ещё одной стрелы и подтолкнуть к огородам.

«Я трачу на это слишком много сил. Шевелись».

От рывка Керден с трудом устоял на ногах. Рванул к обочине, перемахнул через куст крапивы и скрылся в малиннике, ободрав о ветки локти и грудь.

Над головой просвистела стрела, верхушки колючих ветвей занялись огнём.

— Что она вытворяет? — продираясь через заросли, спросил ткач. — Как?

«Быстрее».

За плотной стеной малинника петляла между грядками узкая тропка. Керден побежал напролом, утопая пятками в земле, сминая израненными пальцами пышную мокрицу. У вишнёвого дерева с редкими, пока не раскрывшимися бутонами, свернул к воротам во двор. Щёколда не поддавалась. Он дважды ударил в дверь, уловил протяжный свист, рванул в сторону и споткнувшись, растянулся на узком дощатом тротуаре. Золотая стрела пролетела над головой, подпалив кривую яблоню впереди.

— Мисарра не была порченной в Груне. — Керден перекатился за куст смородины, не выпрямляя спины, побежал вдоль забора.

«Уверен?» — отозвался Балаашир.

— Мы же были вместе той ночью.

«А смердело от неё также».

— Смердело? — Ткач юркнул за пристрой, окружавший отхожее место. — Да ты едва не давился слюной от запаха.

«Это дурман, — фыркнул дьявол. — Вонь ангелов».

Стрела угодила в постройку, разворотила крышу, выбила стену. Керден прикрыл голову от горящих обломков, на четвереньках отполз от накренившихся досок и разлетевшейся мелкой трухи.

— То есть ты уже тогда знал?

«Вправо».

Керден перекатился, уткнулся носом в землю.

— Знал и не рассказал. — Поднялся и припустил мимо затянутого брезентом парника.

«Ты хорошо провёл время той ночью».

— И поэтому Мисарра сейчас так зла.

За парником тропа сворачивала ко двору. Хозяева не озаботились закрыть калитку, за что Керден был им несказанно благодарен. Запинаясь о связки берёзовых веников, он промчался по тротуару, юркнул за угол дома. Прислушался, но не уловил звуков, помимо ударов дико колотящегося сердца.

— Я думал, ангелы не являются к смертным, — силясь выровнять дыхание, проговорил он.

«Заглядывают иногда. Если позовут».

— Их зовут все кому не лень, — бросил ткач, оглянувшись на распахнутую калитку.

Среди веников и мотков бечёвки резвился, играя пылью, сквозняк.

«Не всякий молящийся чист душой, невежда. Ангелы возносятся только к верующим, которые добровольно и безвозмездно предложат им душу и тело. Много таких глупцов ты встречал?»

Керден двинулся вдоль стены, к высоким воротам.

— Мисарра не могла согласиться на подобное. Кто-то её надоумил.

«Правда?» — спросил Владыка Смерти, не скрывая сарказма.

— Она доверчива. Особенно если дело касается религии.

Ткач отодвинул створку ворот. Улица была пустынна и утопала в вязком, безжизненном молчании. По правую руку, за крышами виднелся дым догорающего дома, с другой стороны дорога упиралась в загон для скота.

«К мельнице», — напомнил Балаашир.

Лопасть с надорванной парусиной выглядывала из-за серой трубы здания впереди. Оставалось перебежать дорогу, вломиться во двор, миновать огороды и пару пристроек, возможно, ещё один двор по ту сторону улицы.

— Проще простого, — проворчал Керден, оглянувшись на двор.

«Не ной. Иди».

За воротами стояла та же тишина. Ткач добежал до досок, сложенных в подобие мостика, задержался, балансируя на древесине, просевшей под его весом, и наконец выбрался на дорогу.

— Можно как-то достать из Мисарры эту дрянь?

Балаашир крикнул с довольством сытой утки:

«Не сравнивай ангела и маниту».

— Можно или нет?

Золотая вспышка ослепила его. Над запястьем соткался бирюзовый диск. Плетения столкнулись и рассеялись, осыпав лицо горячими искрами. Керден ощутил тупую боль в животе и горечь слюны, вдруг наполнившей рот. За яркими всполохами различил рясу с алым солнцем на груди.

С лука Мисарры соскользнула стрела, Балаашир укрыл ткача зелёным щитом. Под светом солнца нити оплавилась, захрустели, точно хворост под ногами. Плетение замигало, то полностью исчезая, то появляясь бледной бирюзовой тенью.

Удар опрокинул Кердена навзничь, перед глазами взорвался сноп искр, ослепив и опалив волосы у виска. Ткач тихо застонал, не в силах подняться, повернул голову.

— «И грешникам, недостойным прощения, совершившим деяния по умыслу своему из злобы или корысти, завещал Единый искупление болью, очищение в священном огне, дабы познали нечестивцы и пережили те же мучения, что причинили», — зачитала Мисарра строки Откровений. Босые ноги неспешно приближались, колокольчики позвякивали в предвкушении. — Ибо «именем Его я вершу суд земной».

Девушка остановилась в шаге от Кердена, кончиком золочёной стрелы провела по его подбородку. В ответ на безобидный жест взвыл Балаашир — не то от боли, не то в бессильной ярости.

— «Ибо молвил Он, что всякий, связавший жизнь с силами, природа которых ему не ведома, живёт во грехе и отравляет лжеучениями братьев своих». Мне жаль, — добавила Мисарра, — ведь ты избрал ложный путь. И да простит...

Дерзкий голос, донёсшийся с крыши, прервал пламенную речь:

— И да простит тебя Михаэль, его пернатое святейшество, правитель хрустального гнезда и главный петух всея петухов, — с издёвкой откланялся Рейз. Не дождавшись оваций, сел на каменную трубу, свесив ноги, словно беззаботный подросток. — Столько титулов для златопёрого гордеца. И как смертным не надоедает? — Белая игральная кость скользнула в ладонь из рукава. — Прошу прощения, что посмел вас прервать. Продолжайте. Обещаю не вмешиваться, только наблюдать. Не каждый день можно увидеть, как ангел избивает смертного. Будет, что потом рассказать в Преисподней.

Мисарра утратила всяческий интерес к Кердену, будто ткач и Владыка Смерти были ничемными мошками в сравнении с улыбающимся во весь рот Рейзом.

— А ты всё никак не уймёшься. — Стрела в её руке засияла, стала короче и шире, увесистее, а после заблестела в лучах солнца, обратившись остриём золочёного копья. Только вместо древка из рукава выскользнула цепь. Звенья посыпались на землю, брэнча в такт колокольчикам. — Плохо усвоил прошлый урок?

На лице Рейза расцвёл испуг. Бледные лепестки страха выбелили щёки, выгнали краску из тонких губ.

— Йен, у меня здесь небольшая проблема, — крикнул он, глядя через плечо во двор. — Йен!

Мисарра замахнулась с невиданной грацией, лёгкостью, свойственной воинам, годами оттачивающим мастерство на войне. Цепь удлинилась, остриё прошло сквозь трубу, будто заточенный нож через лист бумаги, разрезало стену, окно и вошло в землю, пробив пол.

— Осторожнее, — Рейз сместился к краю крыши, — а то ещё попадёшь ненароком.

Девушка потянула за цепь, остриё вернулось в руку.

— Йен! — снова заголосил Рейз.

Золотое лезвие взмыло в воздух, метнулось к крыше, точно ручная голодная кобра. Треск камня и дерева заполонил улицу. В это же мгновение всадник схватил Кердена за воротник и, переместившись за лиги от деревни, швырнул в тюк сена.

По крыше барабанил дождь. Мелкий, ленивый, уставший от суеты и убаюканный монотонной песнью равнинных ветров. Капли прибавали пыль, разбивались о ящики, сваленные у входа, бросали редкие брызги в рваную мешковину, намотанную на столбик загона. Сверху, держась на ржавом гвозде, болталась табличка в форме подковы с надписью — «Бронзовый скакун».

Всадник перенёс Кердена к дому, на задний дворик конюшни близ Эрлуна.

— Не хочешь меня подлатать? — Он медленно сел, приложил руку к ноющему животу. В затылке разливалась жгучая боль, живот скручивало, а лёгкие грозились выбраться из тела через горло. — Это было до жути больно.

«Не тебе одному, — сквозь зубы процедил Владыка Смерти. — Грань рядом. Нам нужно под купол».

На то, чтобы встать, ткач потратил с дюжину минут, столько же ушло, чтобы добраться до столбика с вывеской.

Снаружи веяло прохладой. За рябью дождя просматривались угрюмые стены Эрлуна и очертания чёрного купола, укрывшего город, словно огромная меховая шапка.

— Ты знаешь, кто перенёс нас сюда? — Керден привалился к столбу. Его тошнило, как в первый раз после разрыва плетения в далёкие довоенные годы.

«Йен, судя по всему. И пока ты не задал очередной бестолковый вопрос, будь добр, начни тащить свой смертный зад к куполу».

Вода приятно защекотала лицо. Керден прикрыл глаза, вдохнул аромат запоздалого утреннего дождя. Порыв ветра бросил мокрую пыль за воротник, всколыхнул вывеску и ворвался в стойла потоком горячего воздуха. За ним в грязь и солому рухнул человек. Он появился будто из ниоткуда и принёс запах жжёного воска и серы.

— Йен, ты в порядке? — Рейз вынырнул из пелены дождя. — Вот же гад. Давай, поднимайся. — Он сбил огонь с одежды, помог Йену перевернуться и сразу получил кулаком по лицу.

— За то, что не рассказал.

Они были похожи: те же черты, белые волосы, серые глаза и колкий, дерзкий взгляд. Разве что Йен был шире в плечах, жилист и подтянут, в отличие от щуплого близнеца с обезображенным шрамом лицом.

— Клянусь, я не знал, — пролепетал Рейз в ответ.

— Это ещё хуже.

— Точнее, я знал, что там будет ангел, но в Откровениях не было ни строчки о том, кто именно.

— Значит, ты плохо изучил тексты.

— Расшифровал дословно. — Рейз облизнул верхнюю губу, прикрыл алую струйку крови под носом. — Но с этим Эсхатоном творится что-то неладное.

Йен сел, уперев локти в колени:

— Также ты говорил и в прошлый раз. Напомнить, чем всё закончилось?

— Не спеши обвинять меня во всех бедах.

— Хорошо, обвиню только в одной. Ты — наша главная беда.

Они спорили, не обращая внимания на Кердена и дождь, стучавший по крыше.

— Не строй из себя невинного. — Рейз размазал кровь тыльной стороной ладони. —

Если бы в своё время ты сразу поддержал Мора...

Йен развернулся и снова врезал близнецу по носу.

— Абигор был моим братом так же, как и твоим. А теперь его нет. И, если ты не возьмёшься за ум, меня тоже не станет. А то и всех нас.

Рейз плюхнулся в ворох сена:

— Просто послушай. Дай договорить, а потом решай, хорошо? — Йен не ответил, но и попыток разбить лицо близнецу не предпринимал. Рейз счёл это за согласие, пусть и вынужденное. — До восхода второго солнца всё шло согласно Откровениям, но сейчас даже я не знаю, чего ожидать. Над Рэвилтом поднимается Планария, Вестница из прошлого Эсхатона выжила и тоже находится в этом мире. Какой-то порченный, похожий на тень, жаждет моей крови, и, я уверен, что он знает о всадниках больше, чем мы о нём. Ах да, ещё среди смертных затесался Балаашир, который не высовывал носа из Мортуума невесть сколько лет. Неужели всё это не вызывает у тебя вопросов?

— Вопросы у меня вызывает только Михаэль, который из-за тебя воплотился в девчонке, — прорычал Йен в ответ.

— Я ни при чём!

— Скажешь, что в ночь, когда был убит её брат, тебя рядом не было?

Рейз бросил в близнеца охапку соломы, сухие стебли рассыпались по спине.

— Был, — нехотя признал он. — Но цель была другая.

— Твоя миссия, как Раздора, заключается в расшифровке Откровений и заботе о безопасности Вестника. Не в погоне за мифами и не в поиске Истиннорождённого. Священные тексты и Вестник — вот всё, что от тебя требуется. Как ты умудрился снова облажаться?

— Не преувеличивай, — обиделся Рейз, махнув в сторону Кердена. — Вестника я сберёг.

— И пропустил воплощение Михаэля.

— Подождите, — вмешался Керден, наконец сообразив, о ком идёт речь. — Хотите сказать, что в Мисарре воплотился Единый?

— Да, — в голос ответили близнецы. — Сам, дери его вису, Михаэль, — добавил Раздор.

Глава четвёртая

ПРИЧИНА ВСЕХ БЕД

«Жизнь наша преисполнена тревогами и беспокойствами. Но не это тягостно, а то, что мы, будучи в состоянии сделать тревоги более слабыми и без боли переносить волнения, не заботимся ни о том, ни о другом, и оттого всегда пребываем в унынии: один скорбит о прошлом, другой сетует на настоящее. И, будучи в одних и тех же условиях, мы видим причины печали в противоположных вещах».

Откровения Единого. Послание о покое

Дым стелился над крышами, густым испорченным молоком разливался по огородам, оседал на деревьях перьями чёрной сажки. Дурной знак, вестник беды.

Однако сама беда, имя которой Клиос, пришла несколько раньше, налетела, овевая морским ветром и драконьими крыльями, чтобы забрать маяк с эсадровского побережья, а после бросить среди полей и покинутых деревень. Эта же беда сообщила, что к дому приближается толпа фанатиков.

Лирэ поднырнула под сучковатой жердью забора, оглянулась на пожарище.

Золотое копье, рухнувшее с небес, в одночасье превратило скромный крестьянский домишко в выжженные руины. Поток раскалённого воздуха пронёсся по улицам, выбил стёкла и опалил деревья. После всё стихло, об атаке напоминали лишь треск горящей древесины да шелест камня, осыпавшегося с разбитой печи. Вскоре смолкли и они.

Клиос пообещал, что встретит Лирэ в поле за мельницей, сам задержался в деревне, чтобы прикрыть побег. Балаашир ушёл немногим раньше.

Разделиться, чтобы сбить фанатиков со следа, казалось мудрым решением до тех пор, пока стены дома не разлетелись по двору дождём обугленных щепок. Генерал предупреждал, что среди слуг Единого затесались ткачи, но Лирэ до последнего надеялась, что праведники не станут использовать магию.

Голубая цепь зацепилась за куст крыжовника, растопырившего ветви, точно пугало кривые соломенные пальцы. Звенья сорвали пару колючек, скользя по траве, ударились о лодыжку.

Неудобное украшение Лирэ обнаружила после пробуждения. По словам Тэна, оковы защищали от влияния Виарина, будь то передача пламени или попытка переместиться. С одной стороны, Лирэ более не представляла угрозы для окружающих, с другой — угрозы она не представляла вообще. В нынешней ситуации слабость, даже временная, грозила скорой кончиной, а умирать девушка не хотела.

Перед побегом Тэн заверил, что позаботится о её безопасности, однако Лирэ не спешила принимать слова на веру. Последним, кто клятвенно обещал спасение, был Раздор, и ещё одного такого защитника она едва бы пережила.

Несмотря на общее прошлое, девушка не прониклась доверием к Нихаэлю — Тэну, как он предпочитал именовать себя в этом цикле. Будь он человеком или на худой случай ткачом, Лирэ смогла бы преисполниться благодарности и завязать прохладную, граничащую с предательством, дружбу, но в отношении творца дело обстояло иначе.

Первый творец, с которым она имела несчастье познакомиться, пребывал в облике адского гонца и наблюдал, теща самолюбие, как смертная и демон штурмуют Преисподнюю круг за кругом, словно два таракана, носившихся по дну банки. Второй создатель воплотился в

теле невинного мальчика и, позабыв о праведности, попытался её прикончить. Третьим творцом была Лираэль и, судя по рассказам, она заслуживала доверия меньше, чем бес-попрошайка в трущобах Тиземписиса. Последним стал Нихаэль.

Лирэ покосилась на Тэна, шагавшего по тропе среди грядок. Мужчина казался спокойным, крепким, как монолит, надёжным, точно Цитадель Самаэля, и столь же скрытным, опасным, как тьма четвёртого круга. И даже знай Лирэ каждый её уголок, не рискнула бы утверждать, что в глубинах лабиринта скорби не осталось тайн.

Последнее путешествие в Преисподнюю ещё не затерялось в памяти. Шанкриа назвала Тэна предателем, позже на маяке он обмолвился, что в прошлом цикле Лираэль с этой женщиной были дружны.

Она нахмурилась, вновь бросила на Тэна быстрый взгляд, словно достала и, испугавшись, спрятала под одеждой смазанный ядом кинжал.

Нихаэль предал Шанкриа в прошлом цикле, ничто не мешало предать Лирэ в этом. Сегодня, завтра, дюжиной дней после. В конце концов, в преддверии Эсхатона время больше не измерялось числами — когда мир сторит, важными останутся лишь добродетели.

Девушка с горечью усмехнулась. Они с Клиосом потратили годы на расшифровку священных писаний и поиски способа остановить Эсхатон, а в итоге слепо прошли по тропе Откровений. Чёрный змей принёс на крыльях второе солнце, и «не было более спасения от жара его ни на земле, ни в небесах».

Она перекинула цепь через низкую изгородь, придержав подол, прыгнула на траву по другую сторону забора. Отсюда начинались длинные ряды парников, за деревьями впереди виднелись лопасти старой мельницы. Лирэ намотала цепь на запястье, протиснулась между ветвями дикой вишни.

Согласно Откровениям, за вторым солнцем последует долгий день, который принесёт жару и горячие ветра. Опалённые земли не дадут урожая, и люди, измученные голодом, начнут войну за пропитание. Раненых будет столько, что целители не успеют вылечить и половины. Зловоние гниющих тел отравит воздух, эпидемия чумы захватит деревни и опустошит города, а к исходу дня стонит выживших к «рассветной колыбели», где люди вступят в решающий бой со смертью.

Лирэ закусила губу.

В Планарии события развивались в точности, как предсказано: от жертвоприношений в храмах Отца до убийства Вестницы в заснеженном саду.

Она обратила взор на алую полосу солнца, мелькавшую между парниками.

Если Рэвилт опустился к Преисподней настолько, что Планария взошла над горизонтом, значит в мир прибыла ещё одна лишняя душа. Та, что качнула дрожавшую чашу весов.

Лирэ ослабила цепь на запястье, потёрла покрасневшую кожу.

Раздор сбежал, чтобы встретить брата. Мог ли Война стать решающей фигурой в неизбежном столкновении? Виарин наверняка размышлял об этом, однако не счёл нужным раскрывать карты. Хитрый поганец, даже сидя в клетке, будучи оторванным от смертных и Ада, слышал и замечал больше других, предсказывал и ведал куда больше своей смертной половины.

Проницательность демона пробуждала в Лирэ не дюжую злость. За три года, проведённых вдали от Преисподней, она по-прежнему носила клеймо удобной марионетки, служила глазами, ушами и смертным телом для самодовольного кукловода, который не брезговал использовать любые методы в борьбе за власть.

— Спрашивай, — сказал Тэн, поймав брошенный исподлобья взгляд.

Виарин утверждал, что до раскола Нихаэль был влюблён в Лираэль, и оттого делал ставку на давнюю привязанность. Но, будучи рождённым в Преисподней, демон плохо понимал человеческую натуру, иначе не стал бы пренебрегать обстоятельствами. С падения Каэрна минуло множество циклов, десятки тысяч столетий, за которые заключались и рушились союзы, дава-

лись и обращались прахом обещания, остывали некогда горячие чувства. Иначе как объяснить вонзённое в спину копьё? Удар исподтишка — позорная смерть для предателя.

— Что заставляет тебя возвращаться в Хрустальный град?

— Сейчас не подходящее время для этого разговора, — ответил Тэн.

— Ты обещал, что обо всём расскажешь. — Лирэ нарочно упомянула обещание, как напоминание о давно ноющей ране.

— Я сдержу слово, не сомневайся. Но сначала разыщем Балаашира.

За парниками тропа круто поворачивала направо и убегала в поля вдоль скудной лесополосы. Тэн придержал ветви яблони с молодыми ярко-зелёными листочками, огляделся и следом за Лирэ юркнул навстречу солнцу.

Поля простирались до горизонта — покинутые, одичавшие, с волдырями жёлтых стогов и чёрными плешами голой земли, возвышавшимися над травой, словно гнойники. По левую руку, за высоким деревянным забором сторожила угожья старая мельница. Лопастные на потеху ветрам, мерно покачивались, скрипели балки, хрустела рваная высохшая парусина.

Лирэ подняла руку, чтобы спрятать глаза от яркого света, спросила:

— Без Балаашира не обойтись?

У забора, поросшего белой плесенью, ютился приземистый сарайчик. Строение обветшало, низкая оградка, служившая загоном для пахотного скота, развалилась, в треснувшей кормушке обустроила гнездо пара полевых жаворонков.

— Он будет полезен, — отозвался Тэн. — Когда-то мы были друзьями.

Петляя между рядами, устланными прошлогодней ботвой, они двинулись к сараю.

— До раскола Преисподней? — продолжила расспрашивать Лирэ.

— То есть об этом ты помнишь? — Слова прозвучали с укором, однако лицо Тэна сохранило прежнее задумчиво-отрешённое выражение.

— Предположила, — соврала она.

Ситуация складывалась незавидная, Лирэ понимала это как никто другой. Виарин жаждал информации, которой Тэн не торопился делиться, и девушке приходилось искать баланс между враждующими сторонами. Это походило на испытание, попытку удержаться над водой, стоя на двух дощечках, когда любое неверное движение могло отправить ко дну. И со временем Лирэ непременно бы утонула, если бы не нашла за что ухватиться. Более того, она с радостью прыгнула бы на берег, оставив щепки барахтаться в зловонной трясине, где они тщетно пытались отыскать драгоценный клад. Сокровище, которого на самом деле не существовало.

Воспоминания подтвердили былые догадки. Игра, участницей которой Лирэ невольно стала, началась очень давно, и за минувшие циклы никто не приблизился к победе. События повторялись и перемалывали игроков, точно чудовищный жёрнов. С каждым оборотом колеса крупинки мельчали, лишались жизни и пламени, высыхали и падали напрямик в Бездну. Балаашир, всадники, егеря — все были расходным материалом, пылью под каменным колесом, именуемым творцами. Но даже оно, тяжёлое и несокрушимое, подчинялось воле мельника — незримого, безжалостного, всеведущего Каина.

Будучи песчинкой, Лирэ не подозревала о его существовании. В Планарии кошмаром казалось колесо, грозившее раздавить её и весь мир. К счастью, от жёрнова удалось спастись, руку помощи протянул не кто иной, как Самаэль.

Девушка видела в том иронию. Заклятый враг Виарина в итоге спас их обоих, перенёс двух песчинок на вершину колеса и напоследок упомянул об истинных масштабах бедствия.

Теперь Лирэ знала причину катаклизма, имя существа, повинного в расколе Преисподней.

Каин.

Всего лишь имя и его роль, возможную, в событиях прошлого. Настоящего, будущего.

Всё перемешалось настолько, что Лирэ с трудом отличала воспоминания от реальности. И сложнее всего дело обстояло с Тэном. Облик Нихаэля из цикла в цикл не менялся, а девушка со времён раскола примерила множество личин, будь то смертная, демон или творец. Однако она всегда оставалась собой — одиноким игроком, сражавшимся против Вселенной, песчинкой, пожелавшей столкнуть мельника в жёрнов, перемолоть и, наконец, сломать дьявольское колесо.

Но разве возможно устоять над водой без опоры?

Сандалии запутались в локонах чахлой травы, помянув пламя, Лирэ налетела на оградку. Тонкая жердь завалилась, распугав кузнечиков.

— Смотри под ноги. — Тэн подхватил брёвнышко с другого конца. — Я никуда не денусь.

Девушка действительно снова наблюдала за ним, вглядывалась в черты лица, следила за движениями, изучала походку, но не могла отыскать чего-то знакомого. Она не помнила человека, который знал о Лираэль всё.

— Будь здесь, — сказал Тэн, — я осматрю сарай и мельницу.

Подобрав подол, Лирэ присела на поваленный столбик забора.

В западной части мира весна только начинала набирать цвет. Поднимали жёлтые головы одуванчики, тянулись к солнцу ромашки, раскрывали широкие ладони листья репья. У бутонов белого колокольчика вилась стайка бабочек, долговязый жук, забравшись на макушку бычьего черепа, лениво поглаживал чёрные усики. Рядом валялся сломанный плуг.

Под крышей сарая Лирэ разглядела сваленные в тачку инструменты и стопку досок высотой в два полных ярда. Владелец планировал заняться ремонтом, но погожее время так и не наступило.

Здание и правда нуждалось в отделке. В двух местах сквозь дыры в крыше виднелось оранжево-голубое небо, с перекрытий свисали пучки сухого мха, в полу не доставало досок, а дверь во внутренний двор отсырела и не закрывалась, поскрипывая ржавыми петлями на сквозняке.

Лирэ не нравились заброшенные места. Люди редко покидали дома по доброй воле, а если уходили, значит не оставалось выбора. Что-то согнало их с родных земель. Или убило.

В Наранте девушка, бывало, подслушивала разговоры моряков. Слухи о чёрном куполе, захватившем Эсадру и добрую половину Тернорта, ходили давно, но прежде не вызывали интереса. Грань появилась в Рэвилте задолго до второго похода Виарина, и потому не могла быть связана Эсхатоном.

Лирэ припомнила один из советов Раздора, облизнув нижнюю губу, прошептала:

— Или могла?

Первые вести о куполе достигли берегов Наранты около двадцати лет назад, примерно в это же время Лираэль расколола душу, и Виарин бросил вызов Самаэлю. Бунт провалился, демона вышвырнули в Бездну. Балаашир не препятствовал.

Три года назад, когда Михаэль призвал всадников в Планарию, именно Балаашир возвратил Виарина в Преисподнюю, дождался встречи в Мортууме и неожиданно для всех сбегал. Не куда-то, а в Рэвилт, где вскоре должен был начаться следующий Эсхатон. Кроме того, дьявол при всей своей мощи по сей день не вернулся в Тиземписис. И на то явно была причина.

— Мне претит эта мысль, но ты не ошибся, — прошептала Лирэ, зная, что Виарин наблюдает, ловит каждое произнесённое слово. — Балаашир здесь из-за Лираэль. И он знал, что я окажусь в Рэвилте ещё до того, как сгорела Планария. Откуда?

Она намотала на палец длинный лист пырея.

Всё было частью плана. Каждая встреча, каждое решение, каждая совершённая ошибка. Бесконечное вращение колеса.

— Тэн сказал, что Грань висит над Эрлуном, — проговорила Лирэ, — и мы отправимся туда, когда разыщем Балаашира. Значит, купол принадлежит Владыке Смерти? Но для чего в Рэвилте такое мощное плетение?

Ответ нашёлся незамедлительно.

Купол здесь по прихоти Лираэль.

Девушка натянула травинку так, что та лопнула. И в этот момент драконий рык сотряс небеса.

Вдали, за деревней, чёрные крылья заслонили небо, мощная шея поднялась над крышами, сверкая чешуёй и отливая глубоким багрянцем. Голубые глаза с узкими полосами зрачков осмотрели пустынные улицы, задержались на пепелище, метнулись к мельнице.

Лирэ вскочила, подобрав цепь, побежала в поле. У оградки кто-то грубо схватил её за талию, прижал к груди и закрыл рот ладонью.

— Тихо, мы здесь не одни, — прошептал голос над ухом.

Девушка не разобрала слов, рванула в сторону, не сумев высвободиться, упёрлась ногами в землю. Мужчина перехватил цепь, намотал на локоть, потянул на себя. Чужие прикосновения прошли по коже калёным железом, от отвращения скрутило желудок. В отчаянии Лирэ вцепилась зубами в горячую ладонь. Человек зашипел, поднял девушку над землёй и поволок к сараю.

Она пыталась вырваться, силилась закричать, но губы почти не шевелились под крепким захватом. Хотела позвать Клиоса и не могла произнести ни слова.

Да и дракон отчего-то бездействовал. Повернул голову и, припав на крыло, снова утробно зарычал. Рана, полученная на побережье, не успела затянуться — в центре крыла виднелась дыра с обугленными, рваными краями, и от неё к земле тянулась толстая золотая цепь.

Клиос дёрнул крылом, ударил хвостом по блестящей нити. Цепь зазвенела, точно десяток колокольчиков, с недюжинной силой потянула дракона обратно. Задняя лапа пробороzdила тракт, когти снесли дом на окраине. Под грохот падающих стен Клиос раскрыл пасть.

Поток голубого огня обрушился на деревню раскалённым дождём. Зацепил огороды на западе, прошёлся по улицам, затопил храм и вышел с другой стороны поселения, превратив поле в объётое пламенем озеро. Плотные тенты парников вспыхнули, точно облитые маслом, ветки молодых яблонь осыпались мелкими угольками.

Волна жара опалила траву, сбила жерди с загона, облизнула плуг и стены сарая. Мужчина успел затащить Лирэ в здание за секунду до того, как горячий воздух ураганом пронёсся над крышей.

— Прекрати, — прошипел он.

Рёв дракона, полный боли и ярости, сотряс стены. Грохот растоптанных зданий затопил деревню. Кончик чешуйчатого хвоста рухнул в поле неподалёку от сарая, жирной змеей скользнул по огородам, сметая деревья и парники.

Лирэ вскрикнула, пнула мужчину по ноге, что было сил надавала пяткой на стопу. Освободив руку, попыталась дотянуться до лица.

В ответ на сопротивление её потащили глубже в сарай, мимо досок и инструментов.

Заметив тачку, девушка закинула ногу на бортик, краем сандалии подцепила ржавые грабли. Упёрлась второй ногой в колесо и выгнула спину. Её должны были отпустить, в такой позе держать человека попросту неудобно.

Хватка и впрямь ослабла. Над дырой в крыше мелькнуло чёрное крыло, и Лирэ во весь голос закричала:

— Клиос!

За спиной звякнула цепь, голубые оковы до боли врезались в запястья. Девушка не удержалась, опрокинув тачку, упала, приложившись локтем о железный таз.

— Клиос! — снова крикнула она.

Чужое дыхание обожгло кожу над ухом:

— Ты ему не поможешь.

Лирэ и не собиралась, напротив, хотела, чтобы дракон помог ей.

Мощные когти оставили в поле глубокие борозды, хвост сбил макушку у мельницы. Сквозь щели в стене Лирэ увидела золотую цепь с острым наконечником, разрезавшую воздух в месте, где мгновение назад мелькнула драконья чешуя.

Память подбросила картинку из прошлого. Заснеженный двор, ледяные фигурки людей, сломанный бортик фонтана и тело Раздора, по пояс залитое кровью. Коса Смерти, торчавшая из груди, и золотые цепи в руках мальчика.

Драконье пламя разукрасило небо голубыми искрами. Край крыла неловко врезался в землю.

Повисла тишина.

Пару секунд Лирэ слышала только стук своего сердца и шелест дыхания.

А после деревню накрыла разрушительная волна. Рокот зародился вдали, быстро приблизился и оглушил до звона в ушах.

Дракон упал, похоронив под собой поселение. Шея, обмотанная золотыми цепями, рухнула на парники, чёрная корона рогов склонилась к земле где-то среди полей.

Лирэ бросилась к Клиосу. Мужчина поймал её в ярде от выхода.

— Пусти! Пусти меня, — вырываясь, закричала она и, наконец, увидела похитителя. Тэн обхватил её плечи, развернул, увлекая за стопку досок. — Отпусти. — На сей раз голос прозвучал не так уверенно. — Нужно ему помочь.

Тэн покачал головой и поднёс палец к губам.

Улица наполнилась голосами. Близко, по другую сторону маленького сарайчика. Вскоре за ветхими стенами замелькали серые рясы. Из толпы, навстречу дыму и горящим обломкам, вышла девушка.

— Меняй облик, — прогремел звучный голос. — Я не собираюсь тащить твою тушу до Кронсборга. — Благочестивое выражение лица совершенно не подходило словам, которые срывались с заветренных губ.

Клиос тяжело дышал, шея, сдавленная цепями, вздрагивала с каждым вздохом.

— Не люблю повторять дважды. — Девушка откинула с плеча прядь каштановых волос, позвякивая колокольчиками на щиколотках, подошла к дракону. — «Ведь слово Его есть воля. А коль непонятны тебе Его изречения, неведом и смысл праведности». — Золотое лезвие выскользнуло из рукава. — Я научу дитя Самаэля послушанию.

Остриё разрезало чешую, словно броня дракона была мягкой кожей младенца. Шаг за шагом, не отнимая лезвия от чешуек, девушка двинулась к голове Клиоса.

— Нужно ему помочь, — прошептала Лирэ, однако Тэн остался безучастен к просьбе. — Помоги ему. Неужели у творца нет ни капли сочувствия?

— Если не сменишь облик, я лишу тебя глаз, — промурлыкала служительница Единого. Хрупкая фигура уже затерялась в толпе бредущих следом фанатиков. На спине каждого красовался символ алого солнца.

— Клиос на нашей стороне, — не унималась Лирэ. — Почему ты не хочешь помочь?

Она ждала ответа долгие секунды. Минуту. Вторую. Вечность. Пока дракон не захрипел, и тело не задёргалось в судорогах.

— Почему? — От безысходности Лирэ потянулась к Виарину. Оковы накалились, с металла посыпались белые искры.

Тэн сжал её запястья, чтобы спрятать свечение цепей.

— Та девушка — это воплотившийся Михаэль, — последовал сухой ответ.

Оковы погасли.

— Он убьёт Клиоса, — с дрожью в голосе сказала Лирэ. Шея дракона металась по полю, билась, точно рыба в силках, разбрасывая чешую и щедро поливая землю чёрной кровью. — Михаэль его убьёт.

В уголках глаз скопились слёзы, от дрожи, захватившей тело, цепочка на кандалах тряслась, ударяясь о пол и ноги.

— Я не хочу, — Лирэ всхлипнула, — не хочу, чтобы это случилось. Это неправда. Просто дурной сон. Они часто снились мне в Планарии.

Тэн придержал цепь, чтобы звон не привлёк внимания к их скромному убежищу.

Сгусток крови вылетел из-под чешуйки, разукрасил плуг тёмными пятнами.

— Нет, — взмолилась Лирэ. — Я не хочу на это смотреть. Не хочу, чтобы всё было правдой.

Тёплые руки с силой прижали её к груди. Носа коснулся лёгкий аромат хвои и жжёного воска. По привычке Лирэ попыталась вырваться, сбросить чужие, колючие объятия, чтобы избавиться от обжигающих кожу прикосновений. Но Тэн держал крепко.

От драконьего рыка, похожего на кашель болезненного старика, в голове помутилось. Грубые пальцы Тэна зарылись в растрёпанные волосы, прикрыли ухо.

— Скажи, что мне это снится, — попросила Лирэ, и голос Лираэль, произнёсший те же слова, эхом отозвался в памяти.

Никсия. Берег зеркального озера

День раскола Преисподней

— Скажи, что мне это снится, — попросила Лираэль, крепче прижавшись к груди Нихаэля.

Он обнимал её плечи, гладил по волосам, изредка касался макушки губами. Но этого было недостаточно. За стуком двух сердец и шорохом одежды Лираэль отчётливо различала далёкий грохот разрушающегося мира. Слышала, как трещат скалы, и гладкие, шлифованные ветрами камни катятся по кругам, словно по лестнице, крушат и сминают веками стоявшие города. Чувствовала, как дрожит земля, взрываются вулканы, и моря вгрызаются в берега, сметающая порты и обращая в щепки корабли. Видела рябь у кромки озера и отражавшийся в воде алый купол.

Лираэль укрыла Никсию, насколько хватило сил. Огненная сеть растянулась от края до края круга, защитив город от обломков. То, что осталось от новой столицы.

Когда Никсию потряхнуло в первый раз, демоны лишились слуха от грохота. Земля пошла трещинами, поток душ ворвался в прорехи, и половина круга откололась. Что стало с ней дальше, Лираэль не знала.

Затем воздух наполнился гулом. Низким, глубоким, похожим на вой тысячи барабанов. Упругих, вибрирующих.

Бум-бум-бум.

Звук приближался быстро и, казалось, доносился отовсюду. Усиливался, превращаясь в затяжной рокот десятков одновременно сходявших лавин. И, когда с неба посыпался каменный град, Лираэль поняла, что на верхних кругах случилось нечто непоправимое.

На вознесение не хватило ни сил, ни времени. Всё, что ей оставалось — соткать купол над кругом в надежде сберечь крупицу мира.

Нихаэль накрыл рукой её ухо. Шум отдалился, затаился на границе сознания вместе с запоздало пришедшим страхом. Всё-таки Лираэль была одной из творцов, а им не пристало бояться.

— Тебе нужно идти, — прошептала она.

— Нет. — Губы прижались к её макушке.

— Кто-то должен помочь Михаэлю.

— Я тебя не оставлю. — Нихаэль запустил пальцы в рыжие волосы. С момента, как Лираэль создала купол, яркий оттенок закатного солнца заметно побледнел. — Самаэль...

— Самаэль займётся пострадавшими.

Они замолчали, и это молчание звучало красноречивее слов. Нихаэль не хотел уходить, Лираэль не хотела его отпускать. Никто не знал, что произошло несколькими кругами выше, и потому просчитать варианты не представлялось возможным. Только одно было известно наверняка — падение купола над Никсией вопрос времени.

Оба это понимали, но не решались произнести вслух. Порою правда действительно звучала как приговор. Поэтому Лираэль уговаривала творца соврать, что разрушающийся мир — всего-навсего дурной сон.

Однако даже сейчас Нихаэль оказался неумолим.

— Иди, — повторила она, не решаясь отступить первой, — иначе нам некого будет спасать.

Кольцо крепких рук сжало хрупкие плечи:

— Мне придётся заморозить Никсию.

— Нет, должен быть другой путь.

На самом деле Лираэль понимала, что иного варианта попросту нет. Когда купол рассеется, обломки, скопившиеся наверху, обрушатся на круг метеоритным дождём. В лучшем случае Никсия превратится в руины, в худшем — скалы изрешетят землю и провалятся в Салту. Никто на двух кругах не выживет. О последнем девушка боялась даже подумать.

— Да и где ты за раз возьмёшь столько пламени? — не согласилась с решением, но всё же спросила она.

Нихаэль ответил без колебаний:

— Уничтожу вторую луну над Каэрном.

Мир, укрытый снегами, был его излюбленным проектом. Последние месяцы творец пропадавал там часами: менял ландшафт, что-то строил, перемещал с других кругов растения и звёздную пыль. Создавал новую жизнь и никогда не исправлял, даже если не был доволен результатом.

Он собирался закончить луну к исходу года, а до тех пор ни одной душе не дозволялось возноситься к ледяным землям.

Иногда, наблюдая за звёздами с маяка, Лираэль замечала на поверхности стылого мира очертания хрустальных строений, моря из жемчужного шёлка и бескрайние сады, усыпанные бело-красными лепестками. Но стоило приглядеться, как миражи рассеивались.

Девушка вдруг осознала, что втайне мечтала увидеть на холодной земле кристальный город — величественный и чистый, справедливый к порокам и беспристрастный к добродетели. Такой, каким не сумел стать любимый всеми Хрустальный град.

Нихаэль по-своему расценил молчание:

— Это ничтожная плата за то, что мне по-настоящему дорого.

— Боюсь, Хрустальный град тоже мог пострадать, — тихо отозвалась она.

— Да пусть хоть весь сгинет, — горячо прошептал Нихаэль, касаясь губами её виска. — Я говорю о тебе.

Лираэль затаила дыхание, пальцы, перебиравшие кожаные ремешки на броне Нихаэля, замерли.

Творец действительно любил её. Маленькая интрижка, затеянная из скуки, её мимолётное увлечение для Нихаэля стало смыслом жизни.

Острые когти совести ржавыми крюками вонзились под рёбра.

— Я справлюсь, — сказала девушка.

— Уверена?

Она не стала лишать творца надежды:

— Если ты поторопишься.

Нихаэль вдохнул запах её волос, нехотя отступил.

— Дай мне пару минут.

Земля под ногами покрылась инеем, звякнули хрустальные перья на крыльях. Лицо обдало кусачим ветром, холодом горных вершин и запахом свежей хвои. Лираэль прикрыла глаза, а когда открыла, на месте творца кружилась горсть серебристых снежинок.

Она осталась одна. Слабый, тлеющий огонёк под днищем кипящего котла, который Лираэль соткала сама. Обломки над куполом трещали, крошились и бурлили, точно жуткое варево. Рвались ткани, хрустела древесина, камни перемалывали кости погибших, превращали в кровавую кашу ещё живых.

Страшно было представить, какой слой мусора скопился над огненной сетью, но с каждой уходящей секундой Лираэль ощущала, что ноша становится неподъёмной. Будто над тонкими нитями нависла тяжесть целого мира. И девушка сумела бы её удержать, не раздай она пламя смертным.

На другом берегу озера мелькали тёмно-багровые силуэты.

Когда половина круга откололась, врата рухнули в пропасть вместе с городским портом, и жители оказались в ловушке. Без порталов и кораблей демоны не могли покинуть Никсию и были вынуждены искать убежище в единственном уцелевшем строении — храме, недавно построенном Нихаэлем.

Вопреки ожиданиям, здание получилось простым: без лишней помпезности, блеска и безмерно высоких, пронзающих облака шпилей, коими щерился в небеса Хрустальный град. Скромным, с просторным залом, белоснежной колоннадой и гирляндами красных лент, подвешенных под потолком. В полумраке паучий шёлк медленно тлел, переливался, словно пламя костра, отбрасывая мягкие тени на алтарь у дальней стены.

В первый же день жители Никсии завалили постамент цветами. Красными орхидеями, собранными в поле за храмом. Зал быстро наполнился приторно-сладким ароматом мёда и жжёного воска, от которого перехватывало дыхание, и очищалась от дурных помыслов голова. Смертные называли это надеждой. Что-то похожее Нихаэль написал на табличке у входа.

Лираэль попыталась вспомнить фразу, но слова горьким пеплом застряли в горле. Всего пять символов. Это не могло быть так сложно. Что-то о помощи и надежде, вере в силу Небес. Слова, в которых Лираэль отчаянно нуждалась.

Купол над озером понемногу прогибался. Растягивался, точно пузырь, готовый в любой момент лопнуть. Под весом гор нити скрипели, истончались, покуда в прорехи не прокрались первые капли.

Лираэль подняла лицо к небу.

В Никсии не бывало дождей, зеркальных озёр хватало на нужды круга. Выше, во Флумейне, воды не было вовсе, а осадков Арриона не доставало, чтобы родился даже маленький ручеёк. Могли ли моря Мортуума выйти из берегов? Если так, то каковы масштабы катастрофы?

Девушка сосредоточилась на расчётах, опомнилась, когда лепестки орхидей покрылись моросью.

Сколько времени прошло с тех пор, как Нихаэль оставил её? Минута? Казалось, будто Никсия рыдает целую вечность.

Лираэль укрепила купол, отдав плетению больше пламени. Скромная жертва отозвалась тягучей болью в затылке. До сотворения смертных она не испытывала подобного.

Должно быть, люди её проклинали. Творец создала их несовершенными — тела страдали от болезней и с годами портились, души легко подвергались соблазнам, а воля таяла от сладких речей и обещаний никчёмных земных благ. Смертные родились слабыми, ничтожными в своём существовании. Покорными, как подобает инструменту, терпеливыми — каким и дол-

жен быть вариант, способный однажды спасти Вселенную. Люди стали рискованной ставкой, которую сделала Лираэль задолго до начала игры. Но, глядя на рассыпающийся мир, она впервые подумала, что ошиблась. Возможно, восемьсот лет назад стоило прислушаться к Михаэлю и копить пламя, а не распалять душу ради событий, которые, быть может, никогда не настанут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.